H 4/216

9(47)
П-48
Инв. № 531
355.48
П. 18.
Отд. II
№ 14
Ср. в.
Н 4/21b

А. Погоскій.

НАРВА и ПОЛТАВА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ.

10855
19 г.
Инв. № 10855 в.

ИЗДАНІЕ 5-е.

Издалъ В. Березовскій
С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.
1899.

ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина

ф. 24308-37

2007059262

Типографія и Литографія В. А. Тиханова Садовая, № 27.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 ноября 1898 г.

Петръ Великій.

Исторія происхожденія русскаго войска, учрежденія регулярной арміи и первыхъ дѣйствій ея — предметъ любопытный для каждаго солдата и необходимый для унтеръ-офицеровъ; предлагаемая книжка знакомитъ съ нимъ читателя.

Начало этой книжки составлено по извѣстнымъ историкамъ нашимъ — Устрялову и Соловьеву, а изложеніе Нарвской и Полтавской битвъ заимствовано изъ сочиненія генерала А. П. Карцева: „Военно-историческій обзоръ сѣверной войны".

Ясный и живой слогъ превосходной книги генерала Карцева вполнѣ доступенъ каждому грамотному; поэтому, въ виду пользы нашихъ читателей, я позволилъ себѣ это заимствованіе, съ нѣкоторыми необходимыми сокращеніями и пополненіями.

А. Погоскій.

НАРВА и ПОЛТАВА.

I.

До-петровское время.

Начало Русскаго воинства исходитъ изъ временъ давнихъ, забытыхъ, невѣдомыхъ; тысяча лѣтъ прошло, какъ на землѣ нашей—еще не называвшейся именемъ русскимъ—впервые появились сильные люди, у которыхъ, какъ гласитъ старая пѣсня:

«Силочка по жилочкамъ живчикомъ переливается;
«А и грузно отъ силушки, какъ отъ тяжкаго бремени»...

Эти-то сильные люди—богатыри славянскіе — и были родоначальниками нашими, праотцами солдатскими.

Хаживали они по лѣсамъ дремучимъ, по степнымъ раздольямъ, плавали по быстрымъ рѣкамъ и широкому взморью,—побивали безъ числа разнаго супостата, съ востока и съ юга прикочевывшаго на привольныя наши земли, на рыбныя рѣки, въ лѣса, полные всякаго краснаго звѣря.

Не перевелись могучіе богатыри и тогда, когда, наскучивъ неурядицей, сѣверные Славяне призвали съ себѣ могучихъ витязей Варяго-Русовъ изъ-за моря (862 г.), которыми и началась Русская земля. И пошла съ той поры въ сказкахъ присказка: „Доселева русскаго духа слыхомъ не слыхано, видомъ не видно; а нынче русскій духъ въ очію совершается“.—Призванные витязи эти, что стали

нашими князьями, сначала и дружину свою — войско свое—набирали изъ Варяговъ, но потомъ въ нее стали принимать и Славянъ; въ XI вѣкѣ Славянъ стала большая часть. Впрочемъ, князья принимали въ дружину всякаго витязя, изъ какого-бы народа онъ ни былъ. Самое слово „дружина“ показываетъ, что съ этою ратью князь жилъ по-дружески, по-братски. Князь и въ мирныхъ и въ военныхъ дѣлахъ совѣтовался съ своею дружиною и дорожилъ ея любовью. Разъ какъ-то сказала дружина св. Владиміру князью: „что подаютъ намъ ложки деревянныя, намъ, витязямъ онѣ не пригодны!“ Велѣлъ Владиміръ князь выковать имъ ложки серебряныя: „Серебромъ дружину не купишь“, сказалъ онъ: „а съ доброй дружиной достану и серебра и золота вдоволь!“. Пѣсни о Владимірѣ, обыкновенно, начинаются описаніемъ пира съ богатырями:

„Во стольномъ городѣ, во Кіевѣ, что у ласкова, сударь, князя Володиміра, было пированье—почестной пиръ, было столованье—почестной столъ: на всѣхъ князей и болръ, на русскихъ могучихъ богатырей, на всѣхъ гостей званыхъ браныхъ, приходящихъ—кушанья сахарныя, питья медвяныя. Будетъ пиръ въ полу-пирѣ, какъ всѣ наѣдались, напивались и всѣ порасхвастались: кто хвастаетъ чистымъ серебромъ, а кто краснымъ золотомъ, скатнымъ жемчугомъ, товарами заморскими; иной хвалится силушкой великою, своею ухваткою; другой—добрымъ конемъ; разумный хвастаетъ своею матушкою, а безумный — молодою женою. Солнышко Владиміръ князь распотѣшился, по свѣтлой гридницѣ похаживаетъ, черныя кудри расчесываетъ: одному наливаетъ по ковшу меду сладкаго, другому—чару зелена вина въ полтора ведра. Тутъ игроки-скоморохи хорошо въ гусли наигрываютъ. Володиміръ князь до всѣхъ

ласковъ; чуть кто закручинится, онъ спроситъ: „что-же ты, молодецъ, ничѣмъ не хвастаешь, не ѣшь и не пьешь? или чара тебѣ не по ряду пришла, или мѣсто не по отчинѣ, али кто надъ тобой посмѣялся?“. Ожениться-ли задумаетъ молодецъ, онъ даетъ ему и казну несчетную и платье драгоцѣнное. А бываетъ, какой удалой не такъ выполнитъ службу—велитъ посадить его въ глубокій погребъ; потомъ, если и пожалуетъ, молодецъ скажетъ: „не умѣлъ меня солнышко миловать, не умѣлъ жаловать, а теперь не видать меня въ ясны очи!“—и уйдетъ далече, во чисто поле. Но, вмѣсто одного, много богатырей ѣдутъ въ славный городъ Кіевъ, къ солнышку князю. Много сходятся на пиры къ Владиміру; объ этомъ и молва была: „ѣсть да пить—такъ въ Кіевъ, а постоять за Кіевъ—такъ и некому“. Богатырь, какъ пріѣдетъ на княжескій дворъ, привязываетъ коня къ точеному столбу, къ золоченому кользу, идетъ по новымъ сѣнямъ въ столовую гридню, иногда прямо (бездокладочно и безобсылочно), молится Спасу со Пречистою, крестъ кладетъ по писаному, поклонъ ведетъ по ученому, поклонится на всѣ четыре стороны, князю въ особину, и говоритъ: „Здравствуй, солнышко Володиміръ, стольно-Кіевскій, со своей княгиней съ Апраксіей!“. Князь спрашиваетъ: „откуда ты, удалой доброй молодецъ? какъ тебя по имени назвать? какъ величать удалого по отчеству?“ Послѣ того даютъ богатырю мѣсто за дубовымъ столомъ. Если онъ въ чемъ нибудь особенно выказалъ свою удаль и силу, то князь говоритъ: „жалую тебя тремя мѣстами: первое мѣсто — подлѣ меня, другое мѣсто супротивъ меня, а третье—гдѣ хочешь, тамъ и сядь“. Богатыри и отплачиваютъ за хлѣбъ-соль Владиміру, а князю часто въ нихъ нужда; то пойдутъ враги къ городу

БИБЛИОТЕКА имени В. И. Ленина

Кіеву, то надо ѣхать за славное синее море сослужить службу заочную, прибавить земельки святорусской. Иногда при этомъ большой за меньшаго хоронится, а отъ меньшаго князю отвѣта нѣтъ; но, наконецъ, все-таки выступитъ съ богатырской скамьи какой-нибудь удалецъ, выпьетъ единымъ духомъ турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра и смѣло пойдетъ на дѣло. Самые удалые богатыри не послушаютъ князя, если бы онъ даже велѣлъ сидѣть въ Кіевѣ, дожидаясь враговъ. Они уйдутъ изъ-за стола, не докушавши, и будутъ бить челомъ князю: „не извадились мы, государь, дома сидѣть; извадились сами ѣздить по полю чистому, побивать многихъ людей“. Потомъ надѣнутъ крѣпкіе доспѣхи, сядутъ на своихъ добрыхъ коней и поѣдутъ въ поле чистое провѣдывать прямыхъ вѣстей. Когда князь Владиміръ еще не былъ женатъ, то поручалъ своимъ боярамъ отыскивать ему невѣсту. „Всѣ у меня на пиру добры молодцы поженены, всѣ красны дѣвушки замужъ отданы; одинъ я холостъ, не женатъ. Знаете-ли, братцы, мнѣ ровню? Чтобы ростомъ была высокая, станомъ становитая, на лицо красоватая, чтобъ красотой была похожа на меня: очушки у ней яснымъ соколомъ, бровушки черным соболемъ, походочка была-бы лани бѣлой, златорогой, чтобъ умѣла русскую грамоту и четью-пѣтью церковную, чтобъ было мнѣ съ кѣмъ жить да быть, думу думать, да долгій вѣкъ коротать и всѣмъ могучимъ богатырямъ, всему красному городу Кіеву было-бы кому кланятся“. Апраксію, а по другимъ пѣснямъ Василису Никулишну жену добылъ ему удалецъ Дунай сынъ Ивановичъ.

Дружинники, послуживъ одному князю, иногда переходили къ другому: чтобы удержать ихъ за собою, князья ихъ и жаловали. Дружина дѣлилась на старшую или бо-

яръ (т. е. большихъ) и младшую. Вторые извѣстны подъ именами: отроковъ, дѣтскихъ гридней и проч., которые впослѣдствіи получаютъ общее названіе боярскихъ дѣтей. Бояре были, по преимуществу, совѣтниками — думцами князя; изъ нихъ назначались воеводы во время войны и посадники или намѣстники княжескіе по городамъ, за что они пользовались частью доходовъ съ разныхъ даней. Кромѣ того, за свою службу бояре получали обширныя помѣстья — они становятся богатыми землевладѣльцами. Младшей дружинѣ со временемъ князья за службу тоже начинаютъ раздавать участки земли, и боярскіе дѣти составляютъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Потомъ завелись у князей и постоянныя войска.

До Петра Алексѣевича постоянныхъ войскъ въ Россіи было немного: Стрѣльцы и пограничные военные поселяне, а на случай войны, по указу царскому, набиралось ополченіе.

Стрѣльцы учреждены были Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Они были раздѣлены на полки и сотни, подъ началомъ головъ — полковниковъ, полуголовъ — полуполковниковъ и сотниковъ — капитановъ. Вооружены — часть мушкетами, а большая часть пиками. Получали они одежду, провіантъ, жалованье, казенныя постройки и земли для огородовъ. При томъ даны имъ были разныя торговыя льготы. Жили они отдѣльными слободами, но не были обучены правильно.

20 стрѣлецкихъ полковъ, по 1,000 человѣкъ въ каждомъ, поселены были въ Москвѣ, а небольшая часть Стрѣльцовъ находились по другимъ важнѣйшимъ городамъ. Всѣ они, кромѣ нѣкоторыхъ пограничныхъ городовъ, были пѣшіе.

Стрѣльцы были—войско ненадежное, и послѣ царя Алексѣя Михайловича, еще во время малолѣтства Петра Алексѣевича, обезславили себя бунтами, а затѣмъ и были уничтожены.

Пограничные военные поселяне были поселенія на границахъ Швеціи, Польши, Крымской орды и Украйны. Они мало чѣмъ отличались отъ крестьянъ: занимались въ мирное время хлѣбопашествомъ, а въ военное обязаны были являться на службу. По Украинской и Польской границамъ военные поселяне были конные и назывались Драгунами стараго строя и Городовыми казаками. Они также не были обучены правильно, при томъ же ихъ было едва ли достаточно для охраненія границъ. Сторожевая липія тянулась отъ Рыльска и Путивля до Алатыря и Темникова.

Главная же сила русская состояла изъ временныхъ ополченій. По царскому указу и призыву, каждый помѣстный дворянинъ и боярскій сынъ долженъ былъ являться на службу на конѣ, вооруженный, со слугами своими, тоже вооруженными ратниками.

Богатые дворяне, съ датчиками своими, составляли конницу, а бѣднѣйшіе—пѣхоту. Разумѣется, одежда и вооруженіе у всѣхъ были различныя, и строеваго порядку правильнаго не было.

Такое войско не могло быть надежно въ войнахъ съ другими государствами, у которыхъ были устроены правильныя арміи; поэтому цари наши стали нанимать къ себѣ на службу иноземныя войска, чтобы притомъ и своихъ обучить военнымъ порядкамъ. Но дѣло это подвигалось плохо: иноземныя войска не могли быть вѣрными, а свои совсѣмъ туго принимали обученіе и дисциплину.

Однако, были устроены изъ иноземныхъ и своихъ, по образцу иностранному—конные и пѣшіе—Рейтарскіе полки и солдатскіе полки новаго строя.—Они получали казенное оружіе, порохъ, свинецъ и продовольствовались изъ жалованья.

Къ этимъ войскамъ присоединились еще Казаки: малороссійскіе, донскіе, волжскіе, яикскіе и терскіе. Да сверхъ того — Низовая сила: татарскія, калмыцкія. башкирскія и другія ополченія. Но всѣ эти лихія войска, привыкшія подраться всюду, гдѣ есть пожива—тряхнуть орду, аль пошарпать берега черноморскіе, не очень разбирали за кого и противъ кого идти: заботило ихъ одно—была-бы добыча. И затѣмъ, нерѣдко въ бою переходили они на сторону непріятеля.

Огнестрѣльный нарядъ, то есть артиллерія того времени, была немалочислена, но, по устройству своему. такъ же мало годилась въ чистомъ полѣ, какъ и прочія войска. Разноколиберныя орудія, неповоротливыя и неудобныя, хранились въ мирное время по крѣпостямъ и состояли въ вѣдѣніи Пушкарскаго приказа.

Вообще, военныхъ приказовъ было четыре: стрелецкій, рейтарскій, пушкарскій и иноземный, вѣдавшій иноземныхъ служилыхъ людей.

Въ военное время все это подчинялось воеводѣ большаго полку, главнокомандующему, окруженному свитой завоеводчиковъ. составлявшихъ штабъ. Отъ большаго полку, то есть отъ главной силы, отдѣляли передовой полкъ—авангардъ, сторожевой полкъ—арріергардъ, и резервъ арміи

Вся эта армія, не обученная, не понимавшая дисциплины, не привыкшая ни къ какимъ перемѣнамъ боевыхъ

порядковъ и маневрированія, не способна была вести сколько-нибудь продолжительную войну.—Вотъ что пишетъ о ней современный той порѣ человѣкъ:

„У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли—только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше, на одну непріятельскую голову. На конницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, оружіемъ владѣть не умѣютъ. Иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, не только что выстрѣлить въ цѣль: убьютъ двоихъ-троихъ татаръ и дивятся, ставятъ большимъ успѣхомъ, а своихъ хоть сотню положили—ничего! Нѣтъ попеченія о томъ, чтобъ непріятеля убить, одна забота—какъ бы домой поскорѣе. Молятся: дай Боже рану нажить легкую, чтобы немного отъ пел поболѣть и отъ великаго государя получить за то пожалованіе. Во время боя того и смотрятъ, гдѣ бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долинѣ, выжидаютъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, а они съ ними, будто тоже съ бою, ѣдутъ въ станъ. Многіе говорили: „дай Богъ служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать!“

Такая-жъ у нихъ была и работа въ дѣлѣ: пѣхота почти никогда не наступала на непріятеля, а встрѣтясь съ нимъ, поскорѣе устраивала кругомъ себя укрѣпленіе изъ вагенбурга, повозки котораго были со щитами. Это укрѣпленіе называлось гуляемъ или гуляй-городкомъ. Изъ него отстрѣливались и отбивались храбрецы копьями. Наступала на непріятеля только конница, бросаясь толпою и дѣйствуя не столько оружіемъ, сколько крикомъ — „на уру“!—Отбитая, она скрывалась скорѣе за гуляй-горо-

докъ, а пѣхота отстрѣливалась оттуда, возлагая всѣ надежды свои опять на конницу.

Если же удавалось сразу опрокинуть непріятеля, то, не заботясь о преслѣдованіи его, всѣ усердно занимались разграбленіемъ вражьяго лагеря. А если сами были опрокидываемы, то бѣжали такъ старательно, что непремѣнно теряли всѣ свои обозы и артиллерію. О порядочномъ же отступленіи не было и помину.

Вотъ въ какомъ положеніи была русская сила въ то время, когда еще отрокъ Петръ I началъ приглядываться къ ней и, полюбивъ богатырской душой ратное дѣло, самъ занялся, потѣхи ради, воинскими упражненіями.

II.

Потѣшное войско Петра и потѣшные походы.

Петръ Алексѣевичъ былъ природный богатырь новаго времени. Ростъ, тѣлосложеніе, сила его были необыкновенны; но духъ, разумъ и сердце его ставили еще отрока-Царя превыше всѣхъ окружающихъ его бояръ, иноземцевъ и простыхъ людей. Царь по крови, онъ былъ царемъ людей по всей природѣ своей.

Вотъ какъ описываетъ Петра иностранный путешественникъ, видѣвшій его при пріемѣ царемъ шведскаго посольства въ 1683 году:

„Въ пріемной палатѣ, обитой турецкими коврами, на двухъ серебряныхъ креслахъ, подъ святыми иконами, сидѣли оба царя (старшій Іоаннъ и братъ его Петръ) въ полномъ царскомъ одѣяніи, сіявшемъ драгоцѣнными каменьями. Старшій братъ, надвинувъ шапку на глаза, съ потупленнымъ взоромъ, никого не видя, сидѣлъ почти неподвижно. Младшій смотрѣлъ на всѣхъ съ открытымъ, прелестнымъ лицомъ, на которомъ, при обращеніи къ нему рѣчи, безпрестанно играла кровь юношества: дивная красота его плѣняла всѣхъ предстоявшихъ, а живость его приводила въ замѣшательство степенныхъ сановниковъ московскихъ. Когда посланникъ подалъ вѣрющую грамоту, и оба царя должны были встать въ одно время, чтобы спросить

о королевскомъ здоровьѣ, то младшій не далъ времени дьякамъ приподнять себя и брата, какъ требовалось обычаемъ, быстро всталъ съ своего мѣста, самъ приподнялъ царскую шапку и бѣгло заговорилъ обычный привѣтъ: „Его королевское величество, братъ нашъ, Каролюсъ Свейскій по здорову-ль?“

Петру былъ тогда 12-й годъ.

Именно въ это время, въ угоду и забаву царю, набрано было нѣсколько боярскихъ дѣтей и изъ иноземцевъ, для военныхъ игръ: это была первая потѣшная рота. Она была одѣта и вооружена по образцу „регулярныхъ европейскихъ“ войскъ, обучена по иностраннымъ уставамъ и пріучена къ воинской дисциплинѣ. Царь записался въ роту барабанщикомъ, а потомъ солдатомъ. И былъ онъ примѣрный солдатъ: наравнѣ со всѣми несъ солдатскую службу и исполнялъ всѣ солдатскія работы; пилъ, ѣлъ, спалъ съ солдатами.

Разумѣется, небольшая рота скоро уже не удовлетворяла царя: онъ сталъ зазывать охотниковъ изъ разнаго званія: первый явился охотникомъ двадцатипятилѣтній дюжій парень, придворный конюхъ Сергѣй Бухвостовъ, съ просьбою записать его въ потѣшные. Царь принялъ его съ радостью и приказалъ записать Первымъ русскимъ солдатомъ: это и былъ первый настоящій солдатъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Съ той поры стала увеличиваться потѣшная рота. А въ 1687 году въ селѣ Преображенскомъ царь кликнулъ кличъ къ охочимъ людямъ— и сформировалъ два полка потѣшныхъ войскъ: Преображенскій и Семеновскій.

Роптали чванные бояре, не только брезгавшіе чернью, но и межъ собой считавшіеся старшинствомъ родовъ; ца-

ревна Софія съ досадою глядѣла на забавы брата, и всѣхъ сподвижниковъ его гнѣвно обзывала „озорниками и конюхами“. Но когда, на берегу Яузы, словно изъ земли выросла земляная крѣпость Пресбургъ, и при звукахъ флейтъ и барабановъ, взятыхъ изъ Бутырскаго полка, грянулъ съ валовъ громъ орудій—царевна затрепетала и опѣмѣли бояре: всѣ поняли, что царь съ потѣшными уже не шутку шутитъ...

Петръ былъ первый солдатъ потѣшныхъ полковъ; Онъ же былъ первый плотникъ, первый корабельный мастеръ, матросъ и адмиралъ имъ созданнаго флота. Онъ-же былъ первымъ гостемъ нѣмецкой слободы у всѣхъ иностранцевъ, осушалъ съ ними кубки и внимательно прислушивался къ каждой рѣчи бывалыхъ и образованныхъ людей. Ничего не ускользало отъ его орлиныхъ взоровъ: всякую добычу свѣдѣній, знаній и науки быстро ловитъ онъ для насажденія въ своей родной и любезной его горячему сердцу Россіи.

Въ амбарѣ, гдѣ валялись негодные остатки вещей отъ дома дѣда царскаго, Никиты Иваповича Романова, замѣтилъ Онъ старый англійскій ботъ: починилъ его съ плотникомъ нѣмцемъ, Тиммерманомъ, и въ первый разъ прокатился подъ парусами по Яузѣ. Сказалось въ царѣ сердце моряка: Онъ зажелалъ простору; переѣхалъ въ Переяславль и, жадно глядя на Плещеево и Сомино озеро, порѣшилъ устроить здѣсь флотъ.

Напрасно умоляла его мать-царица, души въ немъ не чаявшая; насилу вызвала его въ Москву, нашла ему прелестную невѣсту—Евдокію Ѳедоровну Лопухину, женила его. Едва прошелъ медовый мѣсяцъ, рѣки вскрылись, и Петръ отъ молодой жены полетѣлъ въ Переяславль. Царица трепетала за сына, жена за мужа пѣжполюбимаго, писали,

убѣждали его: „Матушка государыня—отвѣчалъ державный плотникъ—недостойный сынишка твой Петрушка челомъ бьетъ. Къ Москвѣ я быть готовъ; только ей-ей дѣло есть; наипокорственно предаюсь на волю вашу“. И дѣлалъ свое великое дѣло: „благослови сынишку твоего Петрушку, въ работѣ пребывающаго... За капатами стало: вели прислать ихъ изъ Пушкарскаго приказа по семи сотъ саженъ, не мѣшкавъ. Иначе житье мое здѣсь продолжится“. Даже приближенные Петра и сами иностранцы глядѣли на эти работы его, какъ на потѣху: „На что вамъ корабли, государь—спросилъ у него однажды Гордонъ,—вѣдь у васъ нѣтъ морей?“—„Были-бы корабли, а море я найду!“ отвѣчалъ царь и продолжалъ свое дѣло.

Между тѣмъ негодовали втайнѣ и злобствовали бояре, да и весь народъ печалился о привязанности царя къ нѣмцамъ и къ нѣмецкимъ затѣямъ. А злобная сестра его, царевна Софія, съ княземъ Голицынымъ, окольничимъ Шакловитовымъ и монахомъ Селиверстомъ Медвѣдевымъ, замышляли недоброе дѣло: бунтуя стрѣльцовъ, составили противъ царя заговоръ и посягали на жизнь Его.

Но заговоръ кончился тѣмъ, что коварная царевна Софія была заключена въ Новодѣвичій монастырь безвыходно. Великодушный Петръ пощадилъ не только ее, но и совѣтника ея Голицына.

17-ти лѣтъ Петръ принялъ бразды правленія государствомъ.

Тогда-то во всю ширь развернулась вся Его неутомимая дѣятельность, оказался его глубокій, мѣткій умъ и ничѣмъ непоколебимая воля.

Въ кругу голландцевъ, англичанъ, швейцарцевъ и иныхъ иноземцевъ — изучалъ онъ военное, морское, инже-

нерное дѣло; самъ собственноручно брался за все, и никто лучше его не умѣлъ владѣть ни ружьемъ, ни топоромъ, ни токарной, ни піонерной и артиллерійской работой. „Вкушаю хлѣбъ въ потѣ лица моего, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму!“ говаривалъ Онъ своимъ приближеннымъ.

За то же умѣлъ и отдохнуть по-царски: въ великолѣпныхъ палатахъ друга своего, швейцарца Лефорта, умнаго и охочаго погулять человѣка, часто шелъ пиръ до бѣла утра, съ музыкей, танцами и при залпахъ орудій.— Подъ предсѣдательствомъ Князь-папы—такъ назвалъ царь прежняго учителя своего, думнаго дьяка Никиту Зотова—воевали собесѣдники съ „Ивашкою Хмѣльницкимъ“: тяжелыя стопы заморскихъ винъ звенѣли, стучали и опоражнивались; шелъ пиръ горой, валились гости подъ богатырскимъ весельемъ—одинъ царь пребывалъ здравъ и невредимъ: утренняя заря заставала его уже за работой.

Никто не выдерживалъ наравнѣ съ царемъ ни простой работы, ни труда ученаго, ни могучаго разгула. Великанъ тѣломъ—ростъ его былъ косая сажень безъ двухъ вершковъ,—великанъ душей, силачъ и красавецъ, никого не находилъ Онъ себѣ по плечу, а всѣхъ разумныхъ людей любилъ, какъ дѣтей своихъ. И если, хотя бы среди самаго жаркаго веселья, кто-нибудь похвалялъ невѣжество, порицалъ науку и искусство, если кто хотѣлъ польстить царю, или вымолвить худое слово о друзьяхъ его—то Онъ вдругъ вспыхивалъ такимъ гнѣвомъ, что всѣ собесѣдники трепетали; одинъ только Лефортъ въ подобныхъ случаяхъ умѣлъ успокоивать его. И въ минуту опять прояснялось царское чело, гроза утихала, и веселье шло своимъ чередомъ.

Вдумываясь и убѣждаясь въ необходимости флота и

твердой сухопутной силы для Россіи, царь заботился объ умноженіи регулярныхъ полковъ; но учреждалъ ихъ неподволь, не понужденіемъ, а съ доброй воли поступающихъ на службу. Къ 1690-му году уже было четыре комплектныхъ „регулярныхъ полка“: Преображенскій, Семеновскій, Лефортовъ и Бутырскій.

Въ 1690 году царь началъ пріучать войска свои уже къ правильнымъ, хотя и въ маломъ видѣ, маневрамъ. Въ іюнѣ сдѣлали войска первый Семеновскій походъ. Въ первомъ же сраженіи, при штурмѣ Семеновскаго дворца, кидали ручныя гранаты и горшки: одинъ изъ нихъ лопнулъ близъ царя, взрывомъ опалило ему лицо и переранило многихъ.

На слѣдующій годъ состоялся второй Семеновскій походъ уже въ большихъ размѣрахъ. Дѣло не обошлось безъ ранъ и увѣчій; а стольникъ царскій Иванъ Долгоруковъ поплатился и жизнію. Царь жалѣлъ о немъ и писалъ Апраксину: „Противъ сего 15-го числа (октября) въ ночи въ 6 часу, князь Иванъ Дмитріевичъ отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ Божіимъ, переселился въ вѣчные кровы, по чину Адамому, идеже и всѣмъ намъ повремени быти. По семъ здравствуй. Писавый Petrus (Петрусъ)“.

Но самый замѣчательный изъ примѣрныхъ походовъ былъ произведенъ въ 1694 году, подъ именемъ Кожуховскаго похода.

Войско было раздѣлено на двѣ арміи. Первая, подъ начальствомъ генералиссимуса князя Ромодановскаго, состояла: Преображенскій, Семеновскій — потѣшные, Лефортовъ и Бутырскій — солдатскіе полки; три роты гранатчиковъ, восемь ротъ рейтарскихъ, двѣ роты нахаловъ и налетовъ — даточныхъ людей боярскихъ, и до 20 ротъ стольни-

ничьихъ, которыхъ сформировали въ с. Преображенскомъ, частью наловили на площади и силою привели въ разрядъ,—также изъ стрѣлчихъ, дворянъ и жильцовъ, высланныхъ по строгому царскому указу изъ 20 подмосковныхъ городовъ: „чтобы сіи люди явились для ученія ратному строю, на добрыхъ коняхъ, съ пистоли, къ 18 сентября, подъ опасеніемъ за неявку огурствомъ великой опалы, безъ всякаго милосердія“.

Въ другой арміи, подъ начальствомъ генералиссимуса Бутурлина, названнаго Полькимъ королемъ, было: шесть полковъ стрѣлецкихъ, двѣ конныя роты дьяковъ и одинадцать ротъ подъячихъ московскихъ приказовъ. Свита обоихъ главнокомандующихъ состояла изъ бояръ, окольничьихъ, думныхъ дворянъ и дьяковъ и компатныхъ стольниковъ. Обозъ при каждой арміи въ 250 повозокъ.

На берегу Москвы-рѣки, за селомъ Кожуховымъ, на широкой равнинѣ, выбрано поле боя— поваго войска съ старымъ.

Съ большой церемоніей выступилъ изъ сборнаго мѣста король Польскій съ своей арміей, черезъ всю Моску. Въ пышномъ французскомъ кафтанѣ, на богатоубранномъ конѣ, ѣхалъ онъ впереди огромной свиты, между 16 алебардщиками. Онъ занялъ сооруженный для этого „безъименный городокъ“, изготовился къ оборонѣ и далъ знать, что готовъ къ бою.

Тогда выступилъ съ войсками Ромодановскій. Впереди шла рота нѣмчихъ, подъ командой стараго воина, любимаго царскаго шута Тургенева. За нею выборные солдатскіе полки; потомъ генералъ Лефортъ съ своимъ полкомъ, съ музыкою и барабаннымъ боемъ, съ распущенными знаменами, а передъ ними 12 всадниковъ въ панцыряхъ, 12

коней въ богатой сбруѣ, карета, по сторонамъ съ шестью гайдуками въ красныхъ кафтанахъ. Потомъ генералъ Гордонъ съ своимъ полкомъ, съ музыкою; передъ ними вели 5 коней и везли мортиру. Дальше—потѣшные полки; передъ Преображенскимъ полкомъ маршировали бомбардиры князь Троекуровъ, Гуммертъ и Петръ Алексѣевъ. За потѣшными полками ѣхали кареты бояръ и три роты гусаръ въ шишакахъ и латахъ, рота шалашниковъ и 25 карловъ въ красныхъ плащахъ и въ шляпахъ съ перьями. Потомъ бояре несли знамя и за ними на рьяномъ конѣ ѣхалъ генералиссимусъ съ пышной свитой и 8-ю ротами рейтаръ. Шествіе заключали пушечные снаряды—6 пушекъ и 6 мортиръ, а въ замкѣ минеры и саперы съ топорами, заступами и мѣшками.

По выходѣ изъ Москвы, генералиссимусъ построилъ армію въ боевой порядокъ, двинулся на Кожухово и занялъ его безъ сопротивленія.

На другой день московскіе купцы и купеческіе старшины дали обѣдъ генералиссимусу и его штабу; на обѣдѣ былъ, разумѣется, первымъ—бомбардиръ Петръ Алексѣевъ.

На Москву-рѣку спущены были боты, и приготовились къ переправѣ и атакѣ непріятеля.

Чуть свѣтъ, подъ сильнымъ дождемъ, переправились наши, и Гордонъ, первый, съ своими гренадерами, завязалъ сильную схватку съ непріятельской конницей, которая чуть не опрокинула его въ рѣку, но на помощь подоспѣли двѣ роты съ рогатками. Услышавъ перепалку, стрѣльцы высыпали изъ своихъ укрѣпленій, но уже наши гусары овладѣли мостомъ и навели его для свободнаго перехода всей арміи.

Переправившись, армія устроила, несмотря на вы-

лазки непріятеля, укрѣпленный лагерь, по всѣмъ правиламъ инженерной науки: ровъ былъ въ сажень ширины и глубины, валъ уставленъ рогатками. Среди лагеря поставленъ шатеръ главнокомандующаго: впереди гусары и палашники, на лѣвомъ флангѣ Преображенскій полкъ, на правомъ Семеновскій и Бутырскій, въ центрѣ Лефортовъ, сзади рейтарскія роты, а по сторонамъ пушки.

Главнокомандующій вывелъ всѣ четыре полка свои изъ лагеря и подошелъ саженъ на сто къ непріятельскому валу, вызывая противника на бой. Но польскій король не трогался, а только бросали съ валу ручныя гранаты. Тогда наши заложили два редута и, несмотря на вылазки стрѣльцовъ, къ вечеру окончили работы.

На слѣдующій день наша пѣхота опять выступила изъ лагерей, подошла къ самому валу, заложили еще два редута, подъ огнемъ непріятельскихъ гранатъ—и тутъ завязалось дѣло: непріятель атаковалъ нашъ правый флангъ. Но Гордонъ перемѣнилъ фронтъ и встрѣтилъ стрѣльцовъ такимъ огнемъ, что они поспѣшно удалились.

Собранъ былъ военный совѣтъ и поставлено: взорвать подкопами часть вала и штурмовать крѣпость. Вечеромъ стрѣльцы сдѣлали вылазку, завязалась жаркая схватка—и тутъ бомбардиръ Петръ Алексѣевичъ, съ нѣсколькими матросами, взялъ въ плѣнъ полковника Стремяннаго стрѣлецкаго полка: генералиссимусъ благодарилъ Его передъ войскомъ.

Царь желалъ овладѣть крѣпостью по всѣмъ правиламъ военнаго искуства: при помощи редутовъ, подкоповъ, минныхъ галерей, но дѣло разстроилось нежданно: Лефортъ былъ именинникъ и праздновалъ свое имянины по-русски—хлѣбомъ-солью, съ немалой выпивкой. Напировавшись вдо-

воль, воначальники задумали сдѣлать примѣрный приступъ, и дѣйствительно, заваливъ рвы, несмотря на отчаянную защиту непріятеля, ворвались въ крѣпость и взяли ее.

Но царь этимъ остался недоволенъ; онъ хотѣлъ показать примѣръ правильной осады, и потому отпустилъ плѣнныхъ, приказавъ Польскому королѣ снова занять крѣпость и защищаться храбро. Послѣ этого началась уже правильная атака и мужественная защита: взрывали мины и контр-апроши, метали бомбы и чрезъ наполненный водою ровъ кидались на приступъ, но защищающіеся стояли твердо. Державный бомбардиръ Самъ велъ подкопъ и зарядилъ мину 4-мя ящиками пороху. Данъ сигналъ къ штурму: когда подошла армія, подожгли мину — раздался взрывъ, валъ осѣлъ и Преображенскій полкъ первый кинулся въ крѣпость.

Но Семеновскому и Бутырскому полкамъ приходилось плохо: осажденные кидали въ нихъ ручныя гранаты, огненные горшки, обливали съ бастіоновъ водой и отбивали шестами съ горящими на концахъ пуками соломой. Они уже были отбиты, когда Преображенцы обошли непріятеля съ тылу—и отбитые полки снова кинулись на приступъ. Непріятель бѣжалъ, крѣпость сдалась: комендантъ, 4 стрѣлецкихъ полковника, много плѣнныхъ, 14 знаменъ, 30 барабановъ—достались побѣдителямъ.

Но король, отступивъ, укрѣпился въ лагерѣ; наши открыли по лагерю сильную пальбу изъ пушекъ и мортиръ; бомбы попадали въ лагерь и даже одна изъ нихъ опрокинула ставку главнокомандующаго. Канонада наводила ужасъ на осажденныхъ, а король не сдавался.

Въ слѣдующій день положено штурмовать лагерь. Въ 10 часовъ утра ударили на приступъ и вскорѣ штурмъ

принялъ видъ настоящаго боя; съ обѣихъ сторонъ дрались на славу, много было переранено, даже были убитые. Опять Преображенскій полкъ ворвался въ лагерь, за нимъ и другіе полки—осажденные положили оружіе и сдались военноплѣнными. Польскому королю связали руки назадъ и привели его къ главнокомандующему.

Стрѣльцовъ и другихъ плѣнниковъ поставили въ одну линію, противъ нихъ наши войска въ другую—и главнокомандующій со свитою проѣхалъ передъ ними церемоніаломъ, благодарилъ войско; полки по проѣздѣ стрѣляли залпомъ. На другой день купечество задало всѣмъ войскамъ большой пиръ — и потомъ всѣ отправились въ Москву, по квартирамъ.

Это была послѣдняя потѣха Петра. Создалъ, устроилъ и попробовалъ Онъ свою военную силу—и задумалъ дѣлать съ нею настоящее дѣло.

Виды и намѣренія Петра 1-го.

Задуманное дѣло было широко; оно казалось невѣролтнымъ, несбыточнымъ. Но, какъ мать вынашиваетъ подъ сердцемъ младенца, такъ могучая душа Петра выносила свою завѣтную цѣль, бережно и неусыпно хранила ее, не забывал ни на мигъ, и ждала минуты ея разрѣшенія—дѣломъ.

«На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный членъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ

Чернѣли избы тамъ и сямъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ,
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ;
«Отсель грозить мы будемъ Шведу,
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,
И запируемъ на просторѣ»...

Полуживымъ, громадным тѣломъ лежала Россія отъ Камчатки до Двины и Днѣпра, отъ Ледянаго моря до степеней полуденныхъ. Глухо билось средце ея въ Москвѣ престольной, смущаемой внутреннимн смутами, едва извѣстной чужимъ образованный народамъ. Иноземныя государства не признавали нашего Московскаго царства своей ровней и не включали его въ свою, уже просвѣщенную семью. По одиночкѣ наѣзжали разные „нѣмцы“ только для того, чтобы понажить себѣ денегъ да добра и увезти нажитое на свою родину. Духъ татарщины еще тяготѣлъ надъ „Московіей“, и не только народъ, но и бояре глядѣли на все разумное, ученое, европейское съ презрѣніемъ и ненавистью. Огражденная отъ всего свѣта бездорожьемъ и далью, Россія пребывала въ своемъ древнемъ коснѣніи, и ни одно море, кромѣ Ледянаго, не принесло намъ съ иностранными кораблями тѣхъ благъ просвѣщенія, которыми давно уже пользовались европейскіе народы.

Ясно видѣлъ Петръ то, что стало ясно намъ теперь: невозможность развитія русскихъ силъ безъ обладанія водами. Онъ устремилъ мысль свою на Балтійское и Азовское моря.

Но на югѣ владѣли поморьемъ безчисленныя орды Татаръ, хищныхъ и сильныхъ въ разбоѣ. На сѣверѣ — разливалось Балтійское море, съ тремя заливами своими, удобное для плаванія, съ пріютными, пристанями, удобными для укрѣпленій—туда пламенѣе всего стремились думы царя... Но тамъ царилъ другой богатырь.

И богатырь этотъ былъ также точно могучъ тѣломъ, твердъ духомъ и также точно былъ обожаемъ своимъ храбрымъ войскомъ и народомъ: это былъ Карлъ XII, король Шведскій.

Непобѣдимый и неутомимый, Карлъ XII-й былъ первымъ солдатомъ своей отлично-устроенной арміи; онъ также, какъ Петръ, не терпѣлъ роскоши, пилъ, ѣлъ и спалъ походомъ на землѣ съ солдатами. Войско трепетало любовью къ нему и въ дѣлѣ оказывало чудеса храбрости. Онъ самъ, какъ гордый левъ, былъ всегда на челѣ своихъ полковъ. Ему-то принадлежало все Балтійское море...

Петръ устремлялъ туда пылающіе орлиные взоры и расправлялъ свои могучія крылья: быть битвамъ не на животъ, а на смерть!..

Между тѣмъ Петру необходимо было продолжать, начатую еще при царевнѣ Софіи, войну съ Турціею. Долго войска паши охраняли только границы отъ турецкихъ вторженій; наконецъ, въ 1695 году Петръ рѣшился осадить Азовъ. Двѣ арміи, одна въ 30,000 для осады Азова, другая въ 100,000—для прикрытія осады отъ крымскихъ татаръ и турокъ, дѣйствовали на югѣ, по безу-

спѣшно: оказалось, что безъ флота Азова взять нельзя. Армін осенью отступили, но въ ту же зиму построено въ Воронежѣ 30 морскихъ и 2,600 рѣчныхъ судовъ и на весну на Азовскомъ морѣ явился самъ царь, предводительствуя флотомъ; армія обложила Азовъ, флотъ дѣйствовалъ съ моря, разбилъ турецкіе корабли—19 іюля Азовъ былъ взятъ.

Въ то же время въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ стрѣльцовъ. Царь явился въ Москву; и между тѣмъ мятежные стрѣльцы и приставшая къ нимъ чернь, въ числѣ до 20,000, были разбиты солдатскими полками подъ самой Москвой. Повелѣвъ казнить зачинщиковъ мятежа, царь уничтожилъ вкопецъ это непокорное войско, а для пополненія армін издалъ указъ о первомъ (въ 1699 году) рекрутскомъ наборѣ. Поступило 32,000 рекрутъ, изъ нихъ составлено 27 пѣхотныхъ и 2 драгунскихъ полка. Въ слѣдующемъ году сформированъ первый артиллерійскій полкъ и назначенъ фельдцейхместеръ — начальникъ всей артиллерійской части.

Вся эта сила была хотя вооружена, одѣта и устроена, какъ регулярное войско, но былъ крайній недостатокъ въ способныхъ офицерахъ: на половину изъ нихъ были иностранцы, и образованіе солдатъ, обученіе ихъ своему дѣлу, шло очень плохо, особенно въ артиллеріи и кавалеріи. Притомъ же въ артиллеріи оставались все тѣ же, что и прежде разнокалиберныя и малогодныя орудія.

Такова была армія, когда наступило рѣшительное время выполненія смѣлыхъ замѣреній Петра—и война съ Швеціей стала неминуча.

Нарвская битва.

Войска шведскія, подъ личнымъ предводительствомъ своего молодого короля, наводили страхъ на всю сѣверную Европу. Датскій и Польскій короли, которымъ грозилъ Карлъ XII, просили Петра вступить съ ними въ союзъ противъ Швеціи. Какъ только получено было въ Москвѣ извѣстіе о заключеніи съ Турками перемирія на 30 лѣтъ, то на другой же день, именно 19 августа 1700 года, обнародовано объявленіе войны Швеціи, а 22 августа стали выступать войска наши изъ Москвы къ Новгороду, чтобы оттуда идти на Нарву.

Еще съ весны король Датскій ввелъ войска свои въ Голштинію, а король Польскій уже готовился осадить Ригу. Эти провинціи, внезапно атакованныя войсками, казалось, не могли устоять, тѣмъ болѣе, что русскія войска готовились занять берега Невы, въ странѣ, называвшейся Ингерманландіею. Союзники разсчитывали на вѣрную побѣду. Но случилось иначе.

Какъ только Карлъ XII узналъ о дѣйствіяхъ Датскаго и Польскаго королей, то поклялся—не прекращать войны, пока не заставитъ ихъ просить мира, и тотчасъ же двинулъ 20,000-ную армію свою въ походъ. 8-го мая король выѣхалъ изъ Стокгольма, сопровождаемый благословеніемъ своего народа. 42 корабля ожидали у приморскаго города Карлскроны его армію; она сѣла на корабли и поплыла за королемъ своимъ, прямо къ датской столицѣ Копенгагену; ее защищало только небольшое число войскъ: датская армія была въ походѣ противъ шведскихъ провинцій, расположенныхъ по сю сторону Балтійскаго моря.

Когда высадка, пересѣвъ на шлюпки, приближалась къ столицѣ, то, завидя непріятеля, Карлъ XII первый выскочилъ изъ шлюпки въ море по-поясъ, за нимъ все войско и, съ обнаженной шпагой, юный герой повелъ свои полки на штурмъ укрѣпленій, устроенныхъ Датчанами на морскомъ берегу. Подъ дождемъ пуль и картечей Шведы взяли въ мигъ всѣ укрѣпленія—и двинулись къ стѣнамъ Копенгагена. По первой вести о высадкѣ, Датскій король поспѣшилъ на выручку столицы своей, но подъ стѣнами ея стоялъ ужъ Карлъ XII и требовалъ, чтобы король немедленно возвратилъ свои войска изъ Голштиніи и отказался бы отъ союза съ Польшей и Россіей,—иначе грозилъ разрушить столицу. Датскіе король заплатилъ всѣ военныя издержки, призналъ независимость Голштиніи, отказался отъ союза и подписалъ миръ, именно 18-го августа, т. е. наканунѣ объявленія Россіей войны Швеціи.

Разгромивъ Датчанъ, Карлъ XII поспѣшилъ въ Лифляндію. Какъ только узналъ объ этомъ Польскій король Августъ, уже осаждавшій Ригу, то счелъ за лучшее поскорѣе снять осаду и удалится по-добру по-здорову восвояси. Петръ остался одинъ; но робость Ему была незнакома: Онъ пуще зажелалъ помѣряться съ прославленнымъ соперникомъ своимъ.

Да и не могло быть, чтобы два, современные другъ другу и извѣстные міру богатыря, сойдясь плечо о плечо, не помѣрялись бы своими силами. А помѣрявшись, не могло быть, чтобы дѣло кончилось не по-богатырски; я или ты—а вдвоемъ на землѣ тѣсно! Такъ оно, какъ увидимъ дальше, и кончилось.

Войска Петра, съ 1-го сентября, начали выступать изъ Новгорода; все число ихъ доходило до 35,000, въ

томъ же числѣ до 10,000 иррегулярной конницы и стрѣльцовъ. Всѣ—кромѣ двухъ гвардейскихъ полковъ и полка Лимы (прежняго Лефорта)—были набраны только за годъ до похода. Арміей командовалъ фельдмаршалъ Головинъ.

По пути къ Нарвѣ войска эти овладѣли крѣпостцами Конорьемъ и Ямы, и къ половинѣ октября собрались у Нарвы, обложили ее и замокъ Иванъ-городъ.

Нарва, выстроенная въ 12 верстахъ отъ устья р. Наровы, была тогда важнымъ торговымъ городомъ и считалась сильною крѣпостью. Двухтысячный гарнизонъ ея былъ подъ начальствомъ храбраго и опытнаго генерала Горна. Противъ крѣпости возвышался, выстроенный русскими и уступленный Шведамъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, замокъ Иванъ-городъ. Онъ защищалъ сообщеніе крѣпости съ правымъ берегомъ. Требовалось овладѣть Нарвой, чтобы пересѣчь путь Карлу XII къ берегамъ Ингерманландіи. А главное—Петру нужно было прибережье Финскаго залива, и Онъ намѣревался, взявъ его, устроить для флота большую гавань при устьѣ рѣки Наровы.

Войска наши, подходя къ Нарвѣ, становились лагеремъ на лѣвомъ берегу Наровы въ одну линію, которая полукругомъ охватывала крѣпость и примыкала флангами къ рѣкѣ. Фронтъ лагеря стоялъ лицомъ въ поле; протяженіе его было 7 верстъ. На правомъ флангѣ стояли два гвардейскіе полка и дивизія генерала Головина, въ центрѣ отрядъ князя Трубецкого, лѣвѣе—дивизія генерала Вейде, а на самомъ лѣвомъ флангѣ—конное ополченіе, подъ начальствомъ Шереметьева.

Петръ Великій прибылъ къ Нарвѣ въ концѣ сентября съ гвардейскими полками; онъ считался капитаномъ бомбардирской роты. Съ царемъ прибылъ и герцогъ

де-Кроа, котораго рекоменовалъ императоръ Австрійскій, какъ опытнаго военачальника. Въ то же время явились въ нашу армію, инженерный генералъ Аллартъ и нѣсколько инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ отъ короля Польскаго. Царь поручилъ имъ управленіе осадными работами. Въ началѣ октября были открыты всѣ эти работы.

Но Петръ сейчасъ же увидѣлъ неблагонадежность присланныхъ помощниковъ: они много разсуждали и осуждали, а сами ничего не дѣлали, и царь, подъ выстрѣлами крѣпости, собственными руками разбивалъ кольями батареи и подступы. Генералъ Аллартъ удивился и представлялъ царю, что такія опасныя занятія можно бы поручить другимъ; но Петръ отвѣчалъ ему: „Апостолъ Павелъ говоритъ: „трудящійся да ястъ. А кто труситъ—ступай въ обозъ“,— и продолжалъ работы.

Наконецъ привезли изъ Пскова и Новгорода тяжелую артиллерію и снаряды. Царь самъ вооружилъ батареи, самъ управлялъ ихъ дѣйствіями; но оказалось, что вся эта артиллерія была въ самомъ жалкомъ положеніи: лафеты и колеса отъ ветхости безпрестанно ломались, изъ мортиръ надо было стрѣлять каменьями, потому что бомбы не приходились по калибру орудій. Осада шла безуспѣшно. Собрали военный совѣтъ и постановили пробить брешь въ стѣнѣ крѣпости: оказалось, что не хватаетъ ни пороху, ни снарядовъ. Между тѣмъ, перебѣжавшій въ Нарву капитанъ бомбардирской роты, шведъ Гуммертъ, извѣстилъ коменданта о такомъ состояніи русской арміи *),—и когда ему предложили сдать крѣпость, то онъ отвѣчалъ насмѣшками. Ему не страшна была многочисленность осаждающей и не-

*) Поэтому царь велѣлъ всѣхъ бывшихъ въ арміи на службѣ нашей шведовъ отправить въ Москву, чтобъ учили тамъ рекрутъ.

исправной арміи: онъ полагался на храбрость гарнизона, на силу своихъ укрѣпленій и на наше неумѣнье. При томъ же онъ зналъ, что король идетъ ему на помощь.

Приближалась зима; осенняя распутица мѣшала подвозу провіанта и запасовъ въ нашу армію; въ ней открылись болѣзни,—войско падало духомъ. Но царь бодрствовалъ и собственнымъ примѣромъ ободрялъ войско; онъ работалъ въ траншеяхъ наравнѣ съ солдатами, являлся всюду, гдѣ только были труды и опасности, и поддерживалъ порядокъ.

Въ концѣ октября въ нашемъ лагерѣ прошелъ слухъ, что король шведскій идетъ въ Лифляндію. Для разузнанія послали по ревельской дорогѣ иррегулярную конницу Шереметьева. Въ началѣ ноября она извѣстила, что Карлъ XII спѣшитъ на выручку Нарвы.

Заключивъ миръ съ Даніей, Карлъ XII поплылъ моремъ къ Пернау, чтобы идти на Ригу; но узнавъ, что Польскій король уже снялъ осаду съ Риги и ушелъ домой. двинулся къ Нарвѣ. 16-го ноября передовыя шведскія войска напали на кавалерію Шереметьева, въ 14 верстахъ отъ нашего лагеря, и принудили ее отступить.

Армія Карла XII была не велика: у него было всего 12,000 войска. Пѣхоты: 3 полка гвардіи, т. е. 6 баталіоновъ; 5 армейскихъ полковъ—5 баталіоновъ; $2^1/_3$ финскихъ полка—5 баталіоновъ; всего—21 баталіонъ, т. е. 9,000 подъ ружьемъ. Кавалеріи: лейбъ-драбантовъ 1 эскадронъ; лейбъ-драгуновъ 12 эскадроновъ; драгуновъ 33 эскадрона—всего 46 эскадроновъ, т. е. 3,000. Артиллеріи: 38 полковыхъ пушекъ. Пѣхотные полки по 1,200 чел. раздѣлялись на 2 баталіона, баталіонъ на 4 роты, рота на 3 отдѣленія: фланговыя—фузелеры, а среднее—пикинеры. По баталіонному разсчету пикинеры всѣхъ ротъ

строились вмѣстѣ, составляли средній дивизіонъ, а фузелеры по флангамъ, въ 4 шеренги, на 3 шага дистанціи, а для пальбы шеренги смыкались и первая становилась на колѣно. Фузеи шведскія были безъ кремней, съ фитилями. Кавалерія была вооружена мушкетами и шпагами. Артиллерійскіе полки по 75 человѣкъ въ экадронѣ.

Петръ Великій зналъ малочисленность этой арміи, втрое слабѣйшей нежели наша, и былъ увѣренъ, что Карлъ XII не отважится атаковать насъ, а будетъ ждать подкрѣпленія. По этому, не теряя времени, рѣшился ѣхать въ Новгородъ, чтобы лично распорядиться высылкою продовольствія и снарядовъ, и при томъ полагалъ не лишнимъ направить подъ Нарву еще дивизію князя Рѣпнина и 8,000 малороссійскихъ казаковъ.

17-го числа царь созвалъ всѣхъ генераловъ и объявилъ имъ о своемъ отъѣздѣ; главное начальство надъ арміей ввѣрилъ герцогу де-Кроа, а продовольственную часть князю Долгорукову, и 18-го числа, на разсвѣтѣ, уѣхалъ, взявъ съ собою и фельдмаршала графа Головина. Царь надѣялся возвратиться во-время.

Вышло не такъ.

Карлъ XII зналъ, что нашихъ войскъ много и по слухамъ даже считалъ армію въ 80,000 человѣкъ; но зналъ также, что армія была плохо выучена и плохо снаряжена. Онъ рѣшился немедленно атаковать ее; генералы удерживали его отъ такого дерзкаго намѣренія, но Карлъ отвѣчалъ имъ: „намъ ли бояться московскихъ мужиковъ— впередъ!“ и 18-го же числа отдалъ приказъ—быть готовымъ.

Такая рѣшимость храбраго и умнаго полководца очень назидательна для всѣхъ военачальниковъ, и вмѣстѣ съ

тѣмъ—для каждаго солдата; не число, а храбрость и порядокъ бьетъ и одолѣваетъ врага.

Армія наша, только что набранная, не выученная, не понимающая дисциплины, нуждающаяся въ продовольствіи и снарядахъ, мало походила на настоящее войско. Не только не было въ ней воеппаго духа и храбрости, но она недовѣрчиво глядѣла на своихъ разноплеменныхъ начальниковъ, а главнокомандующаго и вовсе не знала. Да и всѣ генералы мало уважали этого прикинутаго невѣсть откуда полководца.

При этомъ же, лагерь нашъ, растянутый на 7 верстъ, былъ укрѣпленъ плохо; инженеры своего дѣла не знали. На лѣвомъ флангѣ пѣхотная дивизія Вейде и конница Шереметьева стояли тѣсно: между ними было не болѣе 50 саженъ для построенія войскъ; на правомъ флангѣ между линіями было довольно пространства, но оно было перерѣзано болотами и кустами, неудобными для движенія войскъ; только въ центрѣ отрядъ князя Трубецкаго стоялъ просторно и удобно. Наконецъ, на случай отступленія, устроенъ былъ только одинъ плавучій мостъ.

Не такъ было въ маленькой арміи Карла XII: войска его были закалены въ бояхъ, отлично обучены, превосходно дисциплинированы и считались первыми по всей Европѣ. Воепный духъ и воспоминаніе прежнихъ побѣдъ возвышали ихъ мужество, и за обожаемымъ королемъ-полководцемъ они готовы были идти въ огонь и воду.

Оттѣснивъ Шереметьева, Карлъ не терялъ времени и лично осмотрѣлъ нашу позицію. Безпечность и незнаніе дѣла нашихъ генераловъ была такова, что они не заботились даже выставить аванпостовъ и поставили только часовыхъ по валу укрѣпленій. Однако въ лагерѣ поняли,

что Шведы задумываютъ атаку лагеря, и герцогъ де-Кроа собралъ военный совѣтъ. Переметьевъ предложилъ: выйти изъ ненадежныхъ укрѣпленій и ударить на Шведовъ. Этого мнѣнія не приняли и положили: ожидать непріятеля въ окопахъ.

Карлъ не заставилъ ожидать себя долго. Сообразивъ наше невыгодное и растянутое положеніе и многочисленность войскъ, Карлъ рѣшилъ ударить соединенными силами своими въ центръ нашей арміи, раздѣлить ее пополамъ и, поочереди, разбить объ половины.

18-го числа онъ стоялъ на ревельской дорогѣ, въ 10 верстахъ отъ нашего лагеря; 19-го, передъ разсвѣтомъ, выступилъ оттуда, но не по дорогѣ, а лѣсомъ, по тропинкамъ едва проходимымъ, и очутился передъ центромъ нашего лагеря, гдѣ его никакъ не ожидали.

Выстроившись въ опушкѣ лѣса, почти на пушечный выстрѣлъ отъ нашихъ укрѣпленій, Шведы остановились для короткаго привала; оправились; а въ часъ пополудни, съ приказомъ: „съ нами Богъ!“ двинулись на приступъ. Одна часть ихъ арміи пошла правѣе высоты, на которой стояли наши укрѣпленія, другая—лѣвѣе, артиллерія громила самый центръ.

Нападеніе было быстро и неожиданно. Войска наши едва успѣли стать въ ружье, и валы укрѣпленій заняла только рѣдкая цѣпь стрѣлковъ, разставленныхъ на сажень другъ отъ друга. Вдобавокъ—вдругъ пошелъ густой снѣгъ, и сильный вѣтеръ несъ его въ лицо нашимъ. Черезъ четверть часа послѣ перваго выстрѣла Шведы ворвались въ укрѣпленіе. Войска князя Трубецкаго, атакованныя въ оба фланга, тотчасъ-же были опрокинуты. Вслѣдъ затѣмъ побѣжали оба фланга—дивизія Вейде и дивизія Головина.

Непріятель захватилъ всю артиллерію. Отеломленное быстрымъ ударомъ непріятеля, войско бѣжало съ крикомъ: „нѣмцы измѣнили!“. Многіе солдаты кинулись къ палаткѣ герцога де-Кроа, убили его адъютанта, изувѣчили слугъ,— а самъ главнокомандующій, генералъ Алларть и 30 офицеровъ-иностранцевъ, спѣшили отдаться въ плѣнъ побѣдителямъ—и хорошо сдѣлали: не сдобровать-бы имъ со своими!..

Овладѣвъ центромъ и, слѣдовательно, ключемъ нашей позиціи, Шведы стремительно потѣснили оба крыла нашей арміи врозь. Опрокинутые полки Трубецкаго и Головина въ безпорядкѣ кинулись на мостъ и сразу обломили его: этотъ единственный путь отступленія былъ прерванъ. Разстроенная дивизія Головина, видя невозможность отступленія, стала собираться на правомъ флангѣ около двухъ гвардейскихъ полковъ—Преображенскаго и Семеновскаго. Эти полки, запявъ вагенбургъ, расположенный у моста, грудью встрѣтили непріятеля: онъ не могъ одолѣть ихъ. Тогда Карлъ приказалъ отдѣлить нѣсколько баталіоновъ изъ другой половины своей арміи на подкрѣпленіе атакующимъ, и съ отборными войсками самъ пошелъ туда — гвардейцы не поддавались. Раздосадованный нежданнымъ отпоромъ, король лично водилъ войска въ атаку; пуля разорвала на немъ галстукъ, ядро повалило подъ нимъ лошадь, въ пылу схватки онъ потерялъ съ ноги сапогъ—какой-нибудь удалецъ вцѣпился въ богатыря, пробовалъ стянуть его съ сѣдла—босопогій кидался онъ въ атаку съ своимъ храбрымъ войскомъ—наши стояли, какъ стѣна. „Каково мужичье!“ кричалъ Карлъ своимъ генераламъ, но это „мужичье“ были —потѣшные, ученики самаго Петра. Не уступили они королю ни шагу... Стояли они, не дрогнувъ, разстрѣляли

свои патроны, уставили штыки — и какъ волна о камень разбивалась о нихъ непріятельская сила, въ безпрестанныхъ и упорныхъ атакахъ.

На лѣвомъ флангѣ генералъ Вейде тоже успѣлъ собрать разбитые въ началѣ боя полки свои и повелъ на Шведовъ... Къ вечеру даже потѣснилъ ихъ сильно и сраженіе начинало принимать другой оборотъ: поддержи войска Вейде кавалерія и Шведамъ было-бы очень неловко; но наше конное ополченіе съ самаго начала сраженія постаралось отыскать бродъ и ушло себѣ за Нарову...

Будь тутъ Капитанъ Петръ Алексѣевичъ,— дѣла приняли-бы совсѣмъ другой оборотъ и королю пришлось-бы плохо, но хозяина не было...

Наступила ночь; сраженіе прекратилось. Карлъ XII собралъ свою армію между городомъ и центральнымъ укрѣпленіемъ. Наша армія потеряла всю артиллерію и была разбита на двѣ части. Но еще ни одинъ полкъ не положилъ оружія и разбитыя на-двое части нашихъ войскъ были, каждая, равносильна всей арміи побѣдителя. Отступать нашимъ войскамъ было некуда; въ такомъ положеніи могла родиться мысль: ударить съ отчаянія съ двухъ сторонъ на Шведа—что было-бы весьма хорошо. Именно этого и опасался Карлъ XII, и потому поскорѣе вступилъ въ переговоры съ нашими оробѣвшими генералами, далъ обѣщаніе дозволить нашимъ войскамъ безпрепятственно отступить съ оружіемъ и знаменами, а побѣдителю оставить только всю артиллерію, взятую въ сраженіи.

По этому условію, 2-го числа, утромъ, починили мостъ черезъ Нарову, и дивизія генерала Головина, съ гвардейскими полками, перешла рѣку. Но дивизія Вейде, по приказанію короля, сдала Шведамъ оружіе и знамена; всѣ

обозы, не успѣвшіе переправиться черезъ Нарову, были разграблены. Оставшіеся по сю сторону Наровы генералы и штабъ-офицеры и до 7,000 войска оставлены въ плѣну. Разбитые, обезоруженные и ограбленные полки наши потянулись въ величайшемъ безпорядкѣ, въ разбродъ, къ Новгороду. На пути не было ни квартиръ, ни продовольствія, стояло зимнее ненастье: множество людей погибло отъ голоду и стужи.

Пронеслась по Россіи ужасная вѣсть о Нарвской битвѣ. Народъ считалъ ее гнѣвомъ Божіимъ за нововведенія царя, а Шведовъ чародѣями, которыхъ не беретъ ни пуля, ни оружіе. Поразила эта вѣсть и Петра Великаго. Конечно, онъ зналъ свою армію и не думалъ о блестящихъ побѣдахъ и легкихъ завоеваніяхъ, даже ожидалъ неудачъ; но не ожидалъ увидѣть армію эту разбитую на-голову, безъ артиллеріи и наполовину безъ знаменъ, оружія и начальниковъ.

Тяжело было царю вынести это несчастіе: уже не было у него прежнихъ друзей и совѣтниковъ— ни Лефорта, ни Гордона; новые сподвижники еще только начинали свою службу; помощи ждать было не откуда. Опечалился царь, но не упалъ духомъ.

Съ пущимъ рвеніемъ принялся Петръ за свое неизмѣнное дѣло. Не обращая никакого вниманія на унынie и толки въ народѣ, на подстрекательства злоумышленниковъ, царь привелъ въ порядокъ разбитые полки и, ожидая, что Карлъ XII, не останавливаясь, пойдетъ далѣе своимъ побѣднымъ путемъ, повелѣлъ укрѣпить Новгородъ, Псковъ, самъ заложилъ въ Печорахъ укрѣпленіе, объявилъ новый рекрутскій наборъ и на всѣхъ литейныхъ заводахъ приказалъ лить пушки.

Народное преданіе сохранило по этому поводу слѣдующій разсказъ:

Пасмуренъ и гнѣвенъ сидѣлъ Петръ Алексѣевичъ въ адмиралтействѣ—и думалъ крѣпкую думу. Подъ страхомъ казни не осмѣливался никто подходить къ нему и прерывать его глубокую думу. Адмиралы, бояре, мастера и корабельщики работали кругомъ въ безмолвіи и трепетѣ; царь думалъ. И вдругъ подходитъ къ царю хмѣльной матросикъ и говоритъ смѣло: „Знаю, батюшка царь, Петръ Алексѣевичъ, о чемъ ты думаешь крѣпкую думу!“—Царь вспыхнулъ: „Говори! а соврешь—голова долой!“ крикнулъ матросу.

— Одна у меня голова, да и той не жаль для Тебя и Россеюшки! отвѣтилъ матросъ. Ты думаешь — гдѣ взять пушки? а колокола-то чѣмъ не мѣдь? отольемъ пушки, побьемъ врага и опять ихъ Богу на колокола перельемъ,— а коли совралъ, руби мнѣ, царь, голову!

Петръ I-й обнялъ и поцѣловалъ матроса. — „Спасибо: чѣмъ наградить тебя?“

— А ничѣмъ, государь! гляди свѣтло, да не кручинься—вся наша награда.

Царь спросилъ начальство морское: что сей матросъ больше всего любитъ и уважаетъ?

— „Водку“ отвѣтило морское начальство.

— Дать ему открытый билетъ во всѣ кабаки — пей на мой счетъ! повелѣлъ, развеселясь царь; а изъ колоколовъ приказалъ лить пушки.

Дали матросу билетъ; сняли колокола и стали лить пушки. Обошелъ матросъ всѣ кабаки; отлили 242 пушки. Стали отливать послѣднюю 243-ю, напился матросъ послѣд-

ній разъ: отляли пушку — и матросъ померъ; ибо дѣлу пришелъ конецъ.

Приводя въ порядокъ свое войско и вооруженіе, царь не забылъ и союзника своего короля Польскаго, поѣхалъ въ Курляндію и обѣщалъ ему помощь войсками и деньгами. „Пусть Шведы бьютъ насъ,—они выучатъ насъ бить ихъ; а наука не дается безъ потерь и огорченія“, говорилъ Петръ Великій Августу.

Между тѣмъ Карлъ XII, увѣренный, что силы Русскаго царя сокрушены въ-конецъ, обратился на Августа и сразу разбилъ Саксонскія войска на Двинѣ. Для защиты областей своихъ со стороны Россіи онъ оставилъ 15,000 войска, кромѣ крѣпостныхъ гарнизоновъ. Съ нашей стороны противъ этихъ войскъ выставлено было: около Пскова, подъ начальствомъ Шереметьева, до 30,000; въ Новгородѣ и Ладогѣ до 10,000, да еще 20,000, подъ начальствомъ Рѣпнина, направлено было въ Курляндію; къ осени и тѣ возвратились въ Новгородъ.

Сперва генералы наши побаивались Шведовъ: не смотря на силы свои, не рѣшались идти на нихъ и занимались обученіемъ войскъ; но по настоятельному повелѣнію царя начали исподволь дѣйствовать противъ непріятеля. Шереметьевъ попробовалъ посылать партіи на Шведовъ и, ободренный успѣхами, въ декабрѣ, самъ, съ 15,000 войска, напалъ на главныя силы и разбилъ ихъ. „Слава Богу! сказалъ на то царь: мы дошли до того, что Шведовъ побѣждать можемъ, пока сражаясь двое противъ одного, но скоро начнемъ побѣждать ихъ и равнымъ числомъ“. Шереметьева наградилъ орденомъ Андрея Первозваннаго и чиномъ фельдмаршала, офицерамъ пожаловалъ золотыя медали, а солдатамъ по серебряному рублю.

Въ слѣдующемъ 1702 году побѣды наши были еще важнѣе: на озерахъ Чудскомъ и Ладожскомъ наши разбили непріятельскія флотиліи; Шереметьевъ опять разбилъ Шведовъ при мызѣ Гумельсгофъ, а Апраксинъ на рѣкѣ Ижорѣ. Петръ Великій приближался къ цѣли своей—завладѣть берегами Финскаго залива: крѣпость Нотенбургъ, прежде принадлежавшая Россіи и называвшаяся Орѣшкомъ—въ концѣ сентября взята штурмомъ. Необыкновенно храбрая защита крѣпости стоила много крови нашимъ войскамъ и, когда царь, видя ужасную потерю нашу, послалъ офицера къ полковнику князю Голицыну, командиру лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, съ приказаніемъ отступить, то храбрый Голицынъ отвѣтилъ: „Скажи царю, что теперь я уже не его, а Божій“—и кинулся съ Семеновцами на приступъ. Крѣпость сдалась на условіи:—отпустить гарнизонъ съ оружіемъ и знаменами. Уважая храбрость и во врагахъ, Петръ I-й приказалъ выстроиться всей нашей арміи и отдалъ честь отступающимъ. Взятая крѣпость названа Шлиссельбургомъ (Ключъ-городомъ).

Весною 1703 года, Шереметьевъ взялъ крѣпость Ніеншанцъ. Черезъ три дня, по взятіи Ніеншанца, на Невѣ, на гребныхъ судахъ, гвардейцы, подъ предводительствомъ самаго бомбардирскаго капитана, напали на два непріятельскіе корабля, схватились на абордажъ и царь первый взошелъ на бортъ корабля Астрела.

Съ торжествомъ привелъ царь взятые корабли въ крѣпость, и тутъ общимъ голосомъ генералы рѣшили, что бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ (такъ писался Петръ I-й по списку) и помощники его—гвардіи поручикъ Меншиковъ и постельничій Головкинъ, заслужили этой

побѣдой орденъ св. Андрея Первозваннаго. Фельдмаршалъ и адмиралъ графъ Головинъ возложилъ знаки его на царя.

Взятая крѣпость была срыта и вмѣсто ея заложена, 16 мая 1703 года, новая, во имя Апостоловъ Петра и Павла. Петропавловская крѣпость стала началомъ Петербурга

Затѣмъ взяты крѣпости Копорье и Ямы; построена новая крѣпость Кронштотъ, и на Олонецкой верфи строился новый флотъ для Балтійскаго моря.

Въ четыре года послѣ перваго урока нашимъ войскамъ — послѣ Нарвской битвы, армія наша уже совсѣмъ не походила на прежнее неустроенное и необразованное войско: она побѣдоносно взяла крѣпости Нарву, Дерптъ, Ямбургъ, Нотенбургъ, Ніеншанцъ. Оставалось взять Кексгольмъ и Выборгъ, и по западному прибрежью Финскаго залива — Ревель, Пернау и Ригу. Но тучи сбирались на западѣ: тамъ угрожалъ Россіи Карлъ XII, тамъ нуженъ былъ Петръ I-й.

Во всѣхъ этихъ доблестныхъ дѣяніяхъ великаго царя и его арміи назидательно то, что, создавая и устраивая изъ необразованнаго, невѣжественнаго. почти полудикаго народа правильное регулярное войско, геніальный богатырь недовольствовался усвоеніемъ извѣстныхъ правилъ военнаго искусства и вообще наукъ. Онъ самъ, по своимъ соображеніямъ, измышлялъ и изобрѣталъ такія правила, которыхъ до него не представляли ни наука, ни искусство, и которыя впослѣдствіи вошли въ науку. Такъ мы увидимъ далѣе, что въ укрѣпленіяхъ и въ боевомъ расположеніи войскъ онъ указалъ порядки, никогда до него не употреблявшіеся. Точно также, пріучая къ отвагѣ и храбрости армію свою, онъ желалъ вселить въ нее неомрачимую, истинную доблесть: храбрость и мужество въ битвѣ съ врагами, вели-

кодушіе и милость къ побѣжденнымъ. И великіе уроки преподавалъ великій царь.

Когда, при взятіи штурмомъ Нарвы, сломивъ упорную защиту храбраго гарнизона, ворвались наши войска въ городъ, и мстя за смерть товарищей своихъ, внесли ужасъ въ улицы и дома гражданъ; разсвирѣпѣвъ—работали штыкомъ и прикладомъ и не щадили ни женщинъ, ни дѣтей, тогда, съ обнаженной шпагой, явился среди нихъ Петръ, и громовымъ голосомъ своимъ удерживалъ остервененныхъ. Въ ярости солдаты не повиновались, и Петръ вонзилъ шпагу въ перваго непокорнаго... Войско дрогнуло.

Встрѣтили царя городовое начальство и плѣнный комендантъ. Показывая имъ свою окровавленную шпагу, царь сказалъ: „это не шведская, а русская кровь!“ Въ трепетѣ изумленія, благоговѣйно глядѣли на великаго царя побѣжденные...

Храбрость безъ милосердія не есть доблесть.

Незабвенный урокъ каждому воину.

Въ то время, когда Петръ I-й усиливалъ свою армію, бралъ города и крѣпости. Карлъ XII побѣдоносно воевалъ противъ Августа, и въ четыре года (1701—1705 г.) съ войсками своими исходилъ всю Польшу во всѣхъ направленіяхъ. Августъ просилъ мира; но Карлъ XII рѣшилъ лишить его короны Польской и возвести на престолъ Станислава Лещинскаго. Поляки раздѣлились на двѣ части: одна, сильная партія, поддерживала эти намѣренія Шведскаго короля, и вмѣстѣ со Шведами опустошала несчастное отечество свое огнемъ и мечемъ. Тогда-то на помощь Августу послалъ Петръ I-й армію; она расположилась подъ Полоцкомъ и въ Гродно. Узнавъ о вступленіи русской ар-

міи въ предѣлы Польши, Карлъ XII подошелъ къ Варшавѣ и сталъ тамъ лагеремъ, въ ожиданіи коронаціи Станислава Лещинскаго; зимою же неожиданно двинулъ свое войско къ Гродно, желая отрѣзать нашей арміи сообщеніе съ Россіею и доставку продовольствія припасовъ. Вѣсть объ этомъ движеніи непріятеля, царь получилъ въ Москвѣ, и, не смотря на болѣзнь свою, поѣхалъ тотчасъ къ арміи. Но на пути встрѣтилъ его Меншиковъ съ извѣстіемъ, что всѣ пути къ нашей арміи заняты непріятелемъ, и король Августъ оставилъ ее безъ помощи. Глубоко огорченный царь, нисколько однако не упалъ духомъ: онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы оградить границы Русскія отъ вторженія Шведовъ. Въ Минскѣ поставилъ 12,000 регулярныхъ войскъ; Гетману Мазепѣ съ 15,000 казаковъ приказалъ стать около Слуцка; другому корпусу казаковъ — занять Брестъ; шесть драгунскихъ полковъ расположилъ по виленской дорогѣ; вездѣ приказалъ тревожить Шведовъ и открыть доступъ въ Гродно, къ главной арміи. Царь надѣялся на прибытіе Августа съ помощью, но Шведы разбили польскія войска. Августъ удалился въ Краковъ и русскимъ оставалась одна надежда—на самихъ себя.

Несмотря однако на трудное положеніе нашей арміи, Карлъ XII не рѣшался атаковать ее: онъ уже зналъ, что это не то войско, которое онъ такъ легко разбилъ подъ Нарвой, и потому ожидалъ себѣ подкрѣпленій.

Подкрѣпленія и военные запасы шли къ нему подъ начальствомъ Левенгаупта. Петръ I-й тотчасъ сообразилъ, что если эти подкрѣпленія подоспѣютъ королю, то намъ угрожаетъ окончательная опасность, и потому приказалъ немедленно, во чтобы то ни стало, отступить отъ Гродно. Замѣчательны приказанія и наставленія царя фельдмарша-

лу. Указывая порядокъ и путь, котораго должна держаться отступающая армія, Онъ пишетъ:

„Больныхъ какъ можно старайтесь вывести, хотя бы на быкахъ и въ сторону, а объ артиллеріи не много думайте. Смотрѣть, чтобы не отяготиться; взять съ собою изъ полковыхъ пушекъ сколько можно, а по нуждѣ и всѣ бросить. Тяжелую артиллерію, хотя бы и было на чемъ везть, съ собой не брать, бросить въ воду и ни на что не смотрѣть, а какъ только можно стараться, какъ бы людей спасать“.

По полученіи этого приказа, фельдмаршалъ тотчасъ же выступилъ въ походъ. Карлъ XII устремился на перерѣзъ нашей арміи, но весенняя распутица и разливы рѣкъ, какъ и разсчиталъ царь, задержали его. Армія благополучно прибыла въ Кіевъ. Карлъ XII вернулся въ Польшу и пошелъ прямо въ Саксонію. Августъ, спасая свое наслѣдственное владѣніе, поспѣшилъ просить у Карла, черезъ своего полномоченнаго, мира и отказался отъ польской короны въ пользу Станислава Лещинскаго; отказался отъ союза съ Петромъ I; выдалъ русскаго посланника генерала Паткуля, котораго Карлъ XII сейчасъ же казнилъ, и заплатилъ протори и убытки войны Карлу XII.

Узнавъ объ удаленіи изъ Польши Карла XII и, еще не зная о заключеніи Августомъ мира, Петръ I-й двинулъ войска свои къ Вислѣ, чтобы вмѣстѣ съ Августомъ опять овладѣть Польшей. Король польскій дѣйствительно не усомнился выдавать себя за вѣрнаго союзника Петра I, и вмѣстѣ съ Меншиковымъ атаковалъ шведскаго генерала, тайно увѣдомивъ его напередъ объ этой атакѣ. Но увѣдомленіе не поспѣло во время и храбрыя войска Меншикова, вмѣстѣ съ Поляками, разбили Шведовъ. Однако король не восполь-

зовался этой побѣдой и уѣхалъ къ себѣ въ Саксонію, съ повинной головой Карлу XII. Тогда уже окончательно Петръ I-й остался одинъ; но Онъ уже былъ готовъ къ борьбѣ.

Зоркимъ окомъ слѣдилъ царь за всѣми движеніями своего противника, который, убаюканный побѣдами и военнымъ счастіемъ, простоялъ въ Саксоніи цѣлый годъ, не замѣчая, что, дорогое для Петра I-го, время это не проходитъ даромъ. И, когда шведскій левъ снова тронулся въ походъ на Россію—уже все было готово для его пріема.

Петръ I-й собралъ совѣтъ и на немъ было рѣшено: 1) При наступленіи Карла XII не вступать съ нимъ въ бой въ предѣлахъ Польши, а отступать къ своимъ границамъ. 2) Во время отступленія опустошать край, чтобы лишить Шведовъ средствъ къ продовольствію, и почаще тревожить ихъ легкими отрядами, чтобы изнурять тревогами. Но все таки, щадя кровь и людей, царь желалъ мира и искалъ посредничества Пруссіи, Голландіи и Англіи. Узнавъ объ этомъ, Карлъ XII заносчиво отвѣчалъ, что онъ въ Москвѣ будетъ говорить о мирѣ. „Братъ Карлъ хочетъ драться—быть такъ!“ отвѣчалъ Петръ I-й и повелѣлъ укрѣплять Москву.

Карлъ XII наступалъ; счастье ему не измѣняло. У насъ внутреннія дѣла шли плохо: едва усмирили бунтъ Астраханскій, вспыхнулъ мятежъ на Дону, Запорожье встало. А тутъ еще малороссійскій Гетманъ Мазепа задумалъ измѣну и сносился съ Карломъ XII, обѣщая передать ему всѣ крѣпости Малороссіи; крымскіе Татары дали слово помогать Мазепѣ. Но все это не поколебало царя, и даже не отклонило Его отъ внутреннихъ преобразованій, которыя шли своимъ чередомъ.

Нельзя было предвидѣть — какимъ путемъ пойдетъ

Карлъ XII и гдѣ приготовить ему отпоръ. Прошли слухи о заговорѣ Мазепы, и первый Меншиковъ догадался, что король пойдетъ на Украйну.

Двигаясь къ югу, король переправился черезъ Березину; наша армія заступила ему дорогу у мѣстечка Головчина. Но Карлъ XII стремительно ударилъ на нее и, опрокинувъ дивизію князя Репнина, погналъ ее въ лѣсъ.

Царь былъ въ это время въ Петербургѣ, боленъ; онъ писалъ Шереметьеву:

„Знаю, что безъ меня у васъ не обойдется, но зовите меня только въ крайней нуждѣ. Самъ милость ваша вѣдаешь, что ни коли я такъ не писывалъ; но Богъ видитъ, что мочи нѣтъ, а безъ здоровья и силы—служить невозможно. Однакожъ, когда необходимая нужда будетъ мнѣ ѣхать, то позвольте тогда послать ставить подводы".

Шереметьевъ просилъ царя пріѣхать къ арміи.

Прибывъ въ армію, Петръ I-й, недовольный поведеніемъ войскъ въ головчинскомъ сраженіи, приказалъ произвести строгое слѣдствіе и, по приговору военнаго суда, князь Репнинъ разжалованъ былъ въ солдаты.

Карлъ XII остановился въ Могилевѣ, поджидая подкрѣпленій и запасовъ, которые велъ къ нему генералъ Левенгауптъ. Но проницательный умъ Петра I-го уже отгадалъ цѣли короля, опасное положеніе его и выгоды нашего положенія. При царѣ пошли дѣла иначе; отряды наши отступали передъ Шведами; но, какъ охотники слѣдятъ и подаются передъ лютымъ звѣремъ, такъ они наблюдали каждое движеніе Карла. Подъ Мстиславлемъ, у села Добраго, князь Голицынъ подкараулилъ отдѣлившійся отрядъ Шведовъ (5000). Ночью выступилъ изъ своего лагеря и рано утромъ атаковалъ, разбилъ его и уничтожилъ бы въ

конецъ, если бы самъ Карлъ XII не поспѣлъ на помощь своему разбитому отряду. 6 знаменъ и 3 пушки были взяты у Шведовъ.

Карлъ XII, съ своей 30,000 арміей, шелъ впередъ, догонялъ нашу армію: ему хотѣлось настичь и разбить ее. Царь отступалъ и уклонялся отъ битвы. А видя, что непріятель направляется на Украйну, послалъ впередъ отряды драгунъ—уничтожать всѣ средства продовольствія по пути Шведовъ. Въ тылу непріятельской арміи слѣдовалъ другой отрядъ драгунъ и тревожилъ его; а фельдмаршалъ Шереметьевъ, съ главными силами, держался въ сторонѣ, лѣвѣе, и прикрывалъ предѣлы Россіи.

Дали знать царю, что Левенгауптъ идетъ въ помощь королю съ войскомъ и запасами и уже приблизился къ Днѣпру. Петръ I-й порѣшилъ воспрепятствовать соединенію Левенгаупта съ главными шведскими силами и за это важное дѣло взялся самъ.

Сраженіе при Лѣсной.

По имѣвшимся свѣдѣніямъ, отрядъ Левенгаупта царь считалъ въ 8,000 человѣкъ; въ сущности онъ состоялъ изъ 15,000 и до 7,000 повозокъ съ разными запасами.

Царь взялъ 10 баталіоновъ (до 5,000) и 15 драгунскихъ полковъ (до 7,000); всю пѣхоту посадилъ на подводы, и безъ обоза выступилъ, 15 сентября, изъ Соболева—главной квартиры русской арміи.

Въ то же самое время Левенгауптъ, съ своимъ корпусомъ и съ 7,000 повозокъ, выступилъ изъ Чери на Пропойскъ; 22 числа въ Шкловѣ переправился черезъ Днѣпръ и, чтобы не встрѣтиться съ Петромъ I-мъ, подослалъ къ нему ложнаго проводника, который повелъ нашъ

отрядъ на Оршу. Къ счастію, царь встрѣтилъ на пути шляхтича, который видѣлъ переправу Левенгаупта; приказавъ повѣсить подкупленнаго проводника, царь пошелъ форсированнымъ маршемъ за Левенгауптомъ. 25-го числа авангардъ нашъ настигъ непріятельскій арріергардъ. Узнавъ, что противникъ имѣетъ 18,000 войска, государь послалъ за отрядомъ, находившимся въ тылу арміи Карла XII, но прошло два дня—отрядъ не приходилъ, между тѣмъ Шведы шли впередъ. На военномъ совѣтѣ положено, не дожидаясь отряда, атаковать непріятеля.

Шведскій авангардъ былъ въ то время у рѣки Сожи и готовился къ переправѣ; но Русскіе уничтожили мостъ въ Пропойскѣ. Узнавъ это, Левенгауптъ послалъ туда подкрѣпленіе и половину транспорта; въ то же время ему дали знать, что самъ царь идетъ на него. Онъ расположилъ свой обозъ (3,000 подводъ) вагенбургомъ передъ дер. Лѣсной, тыломъ къ рѣчкѣ Лѣснянкѣ; часть своихъ войскъ ввелъ въ лѣсъ впереди вагенбурга, а остальныхъ поставилъ въ резервѣ за лѣсомъ.

Въ полдень головные полки лѣвой нашей колонны — Ингерманландскій пѣхотный и Невскій драгунскій, идя къ лѣсу, встрѣтились съ непріятелемъ. Шведы потѣснили ихъ, но царь подоспѣлъ съ правой колонной, въ головѣ которой шли оба гвардейскіе полка; они ударили на непріятеля, прогнали его въ лѣсъ и взяли 2 пушки. Левенгауптъ построился на позиціи въ полѣ. Петръ I-й атаковалъ его, упорный бой длился до 3 часовъ; наконецъ наши опрокинули Шведовъ и они отступили въ свой лагерь, потерявъ еще 8 орудій. Дали знать, что идетъ нашъ вспомогательный отрядъ; Шведы тоже ждали подкрѣпленія

изъ своего авангарда. Обѣ стороны въ утомленіи стояли на разстояніи пушечнаго выстрѣла въ бездѣйствіи.

Въ 5 часовъ пополудни пришелъ нашъ отрядъ; выстроился на лѣвомъ флангѣ; два полка драгунъ поставлены въ подкрѣпленіе правому флангу — и царь повелъ атаку. По всѣмъ тогдашнимъ правиламъ, войска наши наступали въ двухъ развернутыхъ линіяхъ и открыли сильную пальбу по непріятелю: завязалась отчаянная битва. Шведы стояли упорно; наши ударили въ штыки — и весь лѣвый флангъ Шведовъ былъ опрокинутъ. Отступать было некуда: мостъ на р. Лѣснянкѣ и дорога въ Пропойскъ заняты нашими войсками. Подошло подкрѣпленіе Шведамъ и вступило въ дѣло: кое-какъ очистило оно дорогу отступленія, но шведскій лагерь остался за нами. Наступила ночь и вьюга; Петръ I-й прекратилъ сраженіе. Войска наши ночевали въ ружьѣ, не разводя огней. Царь провелъ ночь на снѣгу, завернувшись въ оледенѣлый плащъ.

Съ разсвѣтомъ царь хотѣлъ возобновить сраженіе, но Шведы, бросивъ своихъ раненыхъ, обозъ (до 3,000 повозокъ) и артиллерію, ушли ночью къ Пропойску. Отряжена конница для преслѣдованія ихъ и подъ Пропойскомъ разбила шведскій арріергардъ, Петръ I-й приказалъ Меншикову преслѣдовать по пятамъ Левенгаупта, а самъ съ пѣхотою вернулся въ Смоленскъ.

Наши потеряли въ этомъ дѣлѣ 1,100 челов. убитыми, до 3,000 ранеными; Шведы до 10,000 челов., всю артиллерію, множество знаменъ и штандартовъ и весь транспортъ. Неисчислимыя послѣдствія имѣли эти потери для Карла XII, главное — это была первая наша побѣда въ битвѣ со Шведами равными силами. „Тутъ первая солдатская проба была“—сказано въ дневникѣ Петра Вели-

каго; „побѣда подъ Лѣсной—мать побѣды Полтавкой, какъ одобреніемъ людей, такъ и временемъ“.

Постановлено—праздновать ежегодно воспоминаніе этой побѣды; всѣмъ войскамъ, участвовавшимъ въ сраженіи, пожалованы медали съ надписью: „достойному достойное“. Храбрый князь Голицынъ снова отличился въ этомъ сраженіи. Царь обнялъ его передъ войсками и спросилъ: „Чѣмъ наградить тебя“? — „Государь, прости Репнина!“ отвѣчалъ герой. Царь удивился, зная, что Репнинъ всегда былъ во враждѣ съ Голицынымъ. „Знаю, отвѣчалъ Голицынъ, что Репнинъ мнѣ непріятель, но онъ храбръ, любитъ Тебя и нуженъ Тебѣ, а за грѣхи ужъ пострадалъ довольно“.

Репнину возвращенъ прежній чинъ. Такъ могуче великій учитель вводилъ въ народъ свой и въ войска тѣ доблестныя чувства, которыя попыпѣ дѣлаютъ честь всему человѣчеству...

Привелъ Левенгауптъ Карлу XII подкрѣпленіе—5 или 6 тысячъ разбитаго войска, безъ всякихъ запасовъ; эта помощь принесла шведамъ только уныніе. Малороссія не пошла за измѣнникомъ Мазепой, не нашелъ въ ней король ни запасовъ обѣщанныхъ, ни отдыха. Привелъ ему Гетманъ тысячъ пять казаковъ, затянутыхъ обманомъ, да гор. Батуринъ ожидалъ Карла; но Меншиковъ взялъ городъ приступомъ и раззорилъ до основанія. Король принужденъ былъ свернуть съ пути и пошелъ на Гадячъ и Ромны, а Петръ I-й занялъ Полтаву, Нѣжинъ и Миргородъ, такъ что Шведы съ трехъ сторонъ очутились между нашими войсками. Наступила жестокая зима, такая, что птицы мерзли на лету, а наши отряды тревожили Шведовъ. Они выступали противъ насъ, мерзли сотнями, а наши отступали,

не завязывал дѣла. Особенно безпокоили короля нападенія изъ укрѣпленія Веприка, гдѣ было до 1,500 человѣкъ гарнизона. Онъ рѣшилъ взять его. Но комендантъ, ожидая штурма, приказалъ поливать валъ водою. Шведы пошли на приступъ, не могли взобраться на оледенѣлый валъ и потеряли больше 1,000 человѣкъ. Къ сожалѣнію, разстрѣлявъ весь порохъ, храбрый гарнизонъ принужденъ былъ сдаться.

Къ веснѣ Карлъ XII собралъ свою армію между рѣками Пселомъ и Ворсклою, и стоялъ тутъ до апрѣля.

Полтавская битва.

Начинала меркнуть свѣтлая звѣзда славолюбиваго короля Карла XII и передъ міромъ восходило новое свѣтило: мудрый и доблестный царь Петръ Великій. Но избалованный побѣдами король не догадывался о близости невзгоды, которая должна была разразиться надъ нимъ на поляхъ Полтавскихъ. Онъ все еще только и боялся, чтобы Русскіе не ушли отъ него, не принявъ сраженія, и потому осадилъ Полтаву: онъ надѣялся, что желаніе спасти эту важную крѣпость заставитъ царя вступить съ нимъ въ бой.

Разсчитывалъ онъ еще на помощь Турціи и новаго Польскаго короля, къ которымъ давно послалъ своихъ гонцовъ. Но ни Турція, ни Польша не двигались. Царь однако поспѣшилъ въ Воронежъ и тамъ вооружалъ флотъ, на случай разрыва съ Турціей. Получивъ извѣстіе объ осадѣ Полтавы, Онъ послалъ приказаніе графу Шереметьеву: соединиться съ Меншиковымъ и спасать крѣпость. Вся армія наша стала лагеремъ въ виду Полтавы. Но Шведы съ Запорожцами открыли осаду; 1-го іюня отъ непріятель-

скихъ бомбъ въ Полтавѣ произошелъ пожаръ: Шведы атаковали крѣпость, и знамя ихъ уже развѣвалось на крѣпостномъ валу; но послѣ двухчасоваго боя, штурмъ былъ отбитъ; 4-го іюня пріѣхалъ къ арміи царь, приказалъ усилить работы для сообщенія съ крѣпостью, строить подступы изъ фашинъ и насыпи. А Гетману Скоропадскому велѣлъ безпокоить нападеніями тылъ шведской арміи. Противъ одного изъ отрядовъ Скоропадскаго самъ Карлъ XII отправился, чтобы атаковать его, и въ перестрѣлкѣ съ казачьимъ пикетомъ былъ сильно раненъ пулею въ ногу; болѣзнь отъ этой раны пріостановила дѣятельность осаждающихъ, но все-таки наша армія не могла дойти къ Ворсклѣ и подать помощь Полтавѣ. Царь приказалъ пересылать осажденнымъ, посредствомъ пустыхъ бомбъ, ободрительныя записки. Обрадованные Полтавцы въ соборѣ поклялись — стоять до послѣдней капли крови. Въ гарнизонѣ было 4,000 регулярнаго войска и 2,500 вооруженныхъ гражданъ подъ началомъ храбраго полковника Келина. Они держались твердо, но семинедѣльная осада истощила и силы, и запасы, и порохъ.

Царь видѣлъ, что если Шведы возьмутъ Полтаву, то они укрѣпятся въ ней и долго могутъ держаться въ Украйнѣ. Надо было спасти крѣпость: девять лѣтъ, избѣгая генеральной битвы съ Карломъ, Царь, наконецъ, рѣшился самъ атаковать его. Извѣстивъ полтавскій гарнизонъ о своемъ намѣреніи, 19-го іюня царь выступилъ съ арміей изъ лагеря, переправился черезъ Ворклу и сталъ лагеремъ у деревни Семеновки, а черезъ четыре дня, т. е. 23-го числа, подвинулся еще ближе къ Полтавѣ—всего въ 3-хъ верстахъ. Этотъ лагерь прислоненъ былъ тыломъ къ крутому берегу Ворклы, съ правой стороны—глубокая лощина,

съ лѣвой — густой лѣсъ, перерѣзанный оврагами. Передъ фронтомъ лагеря открывалась версты на двѣ равнина, за ней отлогій спускъ къ лѣсу, подъ этимъ лѣсомъ лежалъ путь къ Полтавѣ и къ непріятельскому стану.

Здѣсь приказалъ царь построить четыре редута, на ружейный выстрѣлъ разстоянія одинъ отъ другаго. Такія отдѣльныя укрѣпленія до того времени еще не были извѣстны въ военномъ искусствѣ—они расположены были по собственному соображенію царя. Редуты эти заняли два баталіона пѣхоты, за ними стали 17 полковъ конницы. Остальная пѣхота—56 баталіоновъ—заняла укрѣпленный лагерь. Все число войскъ было до 42,000 и при нихъ 72 орудія.

Къ Гетману Скоропадскому послано повелѣніе—примкнуть съ казаками къ арміи, и сверхъ того ожидалось 30,000 калмыковъ съ приволжскихъ степей, по договору съ ханомъ ихъ Аюкою. Къ 29 числу—дню тезоименитства царя—должны были прибыть эти подкрѣпленія и тогда-же положено атаковать Шведовъ.

Какъ только узналъ Карлъ XII о переправѣ русской арміи черезъ Ворсклу, то рѣшился самъ атаковать ее, но прежде хотѣлъ взять Полтаву, 21-го числа онъ приказалъ штурмовать крѣпость, штурмъ длился цѣлый день безуспѣшно; на другой день до разсвѣта Шведы и Запорожцы опять ударили съ двухъ сторонъ на приступъ; срубили палисады, многіе вошли на валъ, побѣдные крики и громъ вражскихъ барабановъ уже раздавался внутри крѣпости... Но и гарнизонъ, и жители — даже женщины, отчаянно двинулись на непріятеля и опрокинули его. До ночи шла битва. 1,700 человѣкъ убито и ранено у Шведовъ, 900 выбыло—у защитниковъ. Но это было послѣднее испытаніе храбрыхъ:

къ ночи Шведы отступили, а на утро остались только Запорожцы въ траншеяхъ—Шведы потянулись къ сѣверу: Карлъ XII пошелъ сражаться съ Петромъ I.

Извѣстясь, что царь ожидаетъ подкрѣпленій, король рѣшился атаковать его прежде, и 27 іюня, въ 2 часа, двинулъ свою армію къ стану Русскихъ. Впереди шла пѣхота въ 4 колоннахъ, за нею кавалерія въ 6 колоннахъ. Всего не болѣе 25,000—т. е. 26 баталіоновъ пѣхоты и 22 полка кавалеріи. При нихъ всего было 4 пушки; прочая артиллерія по недостатку пороха, оставлена у Полтавы въ траншеяхъ, занятыхъ Запорожцами, и 2 баталіонами шведской пѣхоты.

Карлъ XII страдалъ отъ раны и не могъ держаться на лошади: онъ сидѣлъ въ качалкѣ, запряженной двумя лошадьми. Но спокойно и даже весело объѣзжалъ онъ свои войска, шутилъ съ ними, напоминалъ имъ Нарву и приглашалъ на пиръ въ шатры царя московскаго. Кто знаетъ, то-ли у него было на душѣ!

Въ Русскомъ станѣ было иное зрѣлище: войско стало въ ружье и слушало въ безмолвіи знаменитый приказъ царя. Вотъ что говорилъ Петръ I-й: „Воины! пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ смущать слава непобѣдимости непріятеля, ложь которой вы доказали неразъ своими побѣдами. Въ сраженіи имѣйте передъ собою правду и Бога защитника вашего, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь недорога; жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи, для благосостоянія вашего“.

Объѣзжая полки, Царь собиралъ офицеровъ, напоми-

налъ имъ долгъ ихъ, и отдавалъ приказанія генераламъ.— „Порадѣйте, товарищи! сказалъ онъ войску: вѣра, церковь и отечество этого ждутъ отъ насъ!“ Радостнымъ кликомъ отвѣтило войско....

Такъ различно двѣ арміи готовились къ битвѣ, которая рѣшила судьбу ихъ. Конечно мужество, удаль и презрѣніе опасности составляютъ достоинства воина; но, готовясь лечь за отечество, воинъ-христіанинъ прежде всего долженъ вспомнить о Богѣ. Великій царь указалъ эту христіанскую обязанность своему войску.

Въ 4 часа утра шведскія колонны подошли къ передовымъ редутамъ нашимъ, атаковали ихъ и встрѣтили мужественное сопротивленіе. Вся наша конница выстроившись за укрѣпленіями, поддерживала пѣхоту. Карлъ XII двинулъ свою кавалерію—и между редутами завязалось упорное кавалерійское дѣло. Князь Меншиковъ и отрядные генералы сами водили полки въ атаку. Подъ Меншиковымъ убиты двѣ лошади. Видя наступленіе всей шведской арміи, царь приказалъ конницѣ своей отступить, примыкая къ лагерю, чтобъ не позволить оттѣснить себя въ лощину.

Карлъ XII приказалъ всей своей арміи, не атакуя редутовъ, пройти между ними. Шведы быстро исполнили это, но, не смотря на ружейный огонь изъ редутовъ, развернулись въ боевой порядокъ и устремились за нашей отступавшей конницей. Но при этомъ правому флангу ихъ пришлось идти саженей на 30 отъ нашего лагеря—подъ картечнымъ огнемъ всѣхъ орудій, стоявшихъ въ укрѣпленіи. Взятая во флангъ этимъ огнемъ линія шведская перемѣнила фронтъ и, выйдя изъ-подъ выстрѣловъ, стала строиться на опушкѣ лѣса, передъ нашимъ лагеремъ.

Но правая колонна ихъ 6 баталіоновъ и 10 эскадроновъ, по какому-то замѣшательству, остались за редутами. Петръ сейчасъ же замѣтилъ это и приказалъ Меншикову, съ 5 баталіонами пѣхоты и 5 драгунскими полками, атаковать отставшую колонну. Шведы не выдержали атаки, отступили въ лѣсъ, къ Полтавѣ; Меншиковъ съ драгунами настигъ ихъ, истребилъ большую часть и вернулся къ главнымъ силамъ. Замѣтивъ, что король медлитъ наступленіемъ, царь рѣшился самъ атаковать его. Въ укрѣпленіяхъ оставлено 9 баталіоновъ, а все остальное войско вышло впередъ и выстроилось въ двѣ линіи. Пѣхота—42 баталіона стала въ центрѣ подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметьева; кавалерія—по флангамъ: на правомъ 11 полковъ, на лѣвомъ 6, подъ начальствомъ Меншикова; артиллерія распредѣлена по всей линіи. Въ этомъ порядкѣ армія наша, въ 9-мъ часу утра, двинулась впередъ. Шведы пошли ей навстрѣчу.

Пѣхота шведская шла въ одну линію съ небольшими резервами; кавалерія — по флангамъ, въ двѣ линіи. Всей арміи было во фронтѣ до 20,000. Карлъ XII въ качалкѣ, обложивъ раненую ногу подушками, былъ передъ баталіонами своего праваго фланга, Левенгауптъ командовалъ лѣвымъ флангомъ.

Въ 9 часовъ обѣ арміи сошлись на ружейный выстрѣлъ—и по всей линіи открылся убійственный огонь. Правый флангъ шведской пѣхоты, одушевленный присутствіемъ короля, съ яростію кинулся впередъ и потѣснилъ баталіонъ Новгородскаго полка, наша линія разорвалась: въ этомъ пунктѣ грозила опасность. Царь явился на немъ съ баталіономъ второй линіи: въ одно мгновеніе сомкнулъ разорванные ряды и самъ повелъ ихъ впередъ.

Пули посыпались на него градомъ! одна пробила шляпу, другая ударила въ орчакъ сѣдла, третья—въ грудь... Но на груди царя былъ святой крестъ, присланный изъ Аѳонскихъ обителей еще царю Ѳеодору Іоанновичу. Крестъ этотъ принадлежалъ древле императору Константину Великому. Петръ имѣлъ его всегда въ своей походной церкви *), а на этотъ разъ на груди—пуля ударила въ крестъ и не ранила царя. На этомъ пунктѣ завязалась упорная рукопашная схватка и длилась около получаса. Карлъ XII также не щадилъ себя: изъ 24 драбантовъ, окружавшихъ его качалку, осталось трое, кругомъ летала смерть. Но ничто не помогло: ударъ Петра былъ неотразимъ. Въ огнѣ артиллеріи и пѣхоты, охваченные съ фланговъ нашею конницею, Шведы были разбиты, опрокинуты и въ безпорядкѣ бѣжали назадъ въ лѣсъ. Все поле покрылось трупами Шведовъ. Въ разгарѣ смятенія, ядромъ убило обѣихъ лошадей въ качалкѣ Карла XII; пока впрягли другихъ, другое ядро разбило качалку—король упалъ безъ чувствъ. Поддерживая, его посадили на лошадь—пуля убила лошадь. Тяжело раненый шведскій полковникъ отдалъ свою: „спасите только его!“ умолялъ онъ окружавшихъ, поцѣловалъ руку короля и чрезъ минуту былъ изрубленъ казаками. Короля уложили въ уцѣлѣвшую въ обозѣ карету и умчали къ мѣстечку Сенжарамъ. Туда-же отступили остатки разбитой арміи.

Въ 11 часовъ утра отъ шведской арміи осталась нестройная толпа, не думавшая о сопротивленіи, а бѣжавшая

---

*) Нынѣ этотъ крестъ хранится въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ.

къ своему прежнему лагерю. Но и тамъ были уже Русскіе. Настигнувъ Шведовъ въ укрѣпленіяхъ, подъ Полтавой, они принудили ихъ положить оружіе.

Шведовъ убито и ранено 9 т. и взято въ плѣнъ до 3 т. Въ томъ числѣ были: первый министръ короля, фельдмаршалъ, 4 генерала, 4 полковника; взято 4 пушки, 137 знаменъ и штандартовъ, королевская канцелярія со всѣми чиновниками, казна, одежда короля, почти вся его прислуга, весь артиллерійскій паркъ и весь обозъ.

Русскія войска потеряли 1,344 убитыхъ и 3,300 раненыхъ.

Казаковъ послалъ царь преслѣдовать разбитаго непріятеля: всѣ регулярныя войска построилъ впереди лагеря; передъ ними велѣлъ поставить походную церковь, и при громѣ пушекъ, совершено благодарственное молебствіе Господу силъ, за одержанную побѣду. Потомъ объѣхалъ Царь полки, благодарилъ всѣхъ за подвиги, за понесенные труды. Въ палаткѣ его приготовленъ былъ столъ для генераловъ—Царь пригласилъ на обѣдъ и плѣнныхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ шведскихъ. Зазвенѣли заздравные кубки: „За здоровье нашихъ учителей въ ратномъ дѣлѣ!“ провозгласилъ царь. „Кто эти учители?“ спросилъ шведскій фельдмаршалъ. „Вы, господа Шведы!“ отвѣтилъ царь. „Хорошо-же ученики отблагодарили учителей!“ промолвилъ печально фельдмаршалъ и выпилъ заздравную чару *).

---

*) Самъ царь впослѣдствіи писалъ о Нарвской и Полтавской битвахъ (журн. П. В. ч. I).

«Шведы подъ Нарвою надъ нашимъ войскомъ викторію получили, что есть безспорно; но надлежитъ разумѣть—надъ

Вотъ какъ описываетъ Полтавскую битву знаменитый Пушкинъ:

Горитъ востокъ зарею невой.
Ужъ на равнинѣ по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки,
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы,
Волнуясь, конница летитъ:
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:
Но явно счастье боевое

какимъ войскомъ оную получили. Только одинъ старый Лефортовскій полкъ былъ, а два полка гвардіи только были на двухъ атакахъ у Азова, и тѣ полевыхъ боевъ, а наипаче съ регулярными войсками, никогда не видывали. Прочіе-же полки, какъ офицеры, такъ и рядовые, самые были рекруты; да къ тому-же за позднимъ временемъ великій голодъ былъ понеже за великими грязьми провіанта привозить было невозможно. Единымъ словомъ сказать можно: все то дѣло младенческое играніе было, а искусства ниже вида. Какое-же удивленіе старому, обученному практикованному войску, надъ такими неискусными сыскать викторію? Правда, сія побѣда въ то время зѣло печальна была и чувствительна, яко отчаянная всякія впередъ надежды и за великій гнѣвъ Божій, почитае-

Служить ужъ начинаетъ намъ,
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлепенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатленъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ.
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь,
Почуя роковой огонь,

мая. Но когда о томъ подумать, то во истину не гнѣвъ Божій, но милость Божію должны мы исповѣдать. Ежели-бы намъ тогда надъ Шведами викторія досталась бывшимъ въ такомъ неискусствѣ во всѣхъ дѣлахъ, какъ воинскихъ такъ и политическихъ, то въ какую бѣду оное счастіе насъ низринуть могло также, какъ Шведовъ, уже давно обученныхъ и славныхъ Европѣ (которыхъ французы бичемъ нѣмецкимъ называли), подъ Полтавою столь жестоко низринуло, что всю ихъ максиму низомъ къ верху обратило. Но когда мы сіе несчастіе (или лучше сказать, великое счастіе) подъ Нарвою получили, то неволя лѣность отогнала, и къ трудолюбію и искусству день и ночь прилежать принудила, и войну вести уже съ опасеніемъ и искусствомъ велѣла.

Дрожитъ. Глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Ровняясь строятся полки,
Молчитъ музыка боевая,
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*!
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками.
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Бауръ, и Рѣпнинъ
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье..

Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

. . . . . .

Но близокъ, близокъ мигъ побѣды;
Ура! мы ломимъ, гнутся Шведы,
О, славный часъ! о, славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи

Пируетъ Петръ. И гордъ и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ

Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ....

На утро торжественно совершенъ обрядъ погребенія всѣхъ падшихъ въ сраженіи. Царь сказалъ прощальное задушевное слово и пролилъ слезу на могильномъ холмѣ, собственноручно водрузивъ крестъ съ надписью:

„Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчанные, лѣта отъ воплощенія Бога-слова 1709, іюня 27-го дня“.

Донынѣ на Полтавскомъ полѣ видѣнъ этотъ холмъ—могила храбрыхъ.

Шведы погребены своимъ духовенствомъ, по своему обряду.

Послѣ погребенія, царь поѣхалъ въ Полтаву. Съ колокольнымъ звономъ, съ торжествомъ и со слезами радости встрѣтили храбрые полтавцы своего избавителя. Царь сошелъ съ лошади, обнялъ коменданта Келина и благодарилъ всѣхъ за подвигъ храброй защиты.

Между тѣмъ, остатки шведской арміи поспѣшно отступали внизъ по Ворсклѣ. Царь отрядилъ 10 драгунскихъ полковъ, Голицына съ гвардейцами на подводахъ для преслѣдованія и поручилъ начальство отрядомъ Меншикову.

При впаденіи Ворсклы въ Днѣпръ, настигъ князь Меншиковъ остатки шведской арміи и они положили оружіе. Карлъ XII, съ небольшою свитою и съ отрядомъ 200 человѣкъ отборной пѣхоты и 800 кавалеристами, переправился за Днѣпръ. За нимъ бѣжалъ и Мазепа съ Запорожцами—къ турецкой границѣ.

Другой отрядъ до 16,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Левенгаупта, пытался пробраться въ Крымъ; но настигнутый нашими войсками, также положилъ оружіе.

5,000 пѣхоты, 9,000 кавалеріи, 28 орудій, 127 знаменъ и штандартовъ—Меншиковъ взялъ своимъ 9,000-нымъ отрядомъ.

1-го іюля царь прибылъ въ Переволочну и отправилъ отряды за Днѣпръ, по слѣдамъ Карла XII: только нѣсколькими часами опоздали эти отряды къ р. Бугу,—король переправился съ немногими приближенными, а конвой его истребленъ или полоненъ.

6-го іюля Петръ возвратился въ Полтаву, наградилъ своихъ сподвижниковъ и самъ принялъ поднесенный ему княземъ-кесаремъ Ромодановскимъ чинъ генералъ-лейтенанта сухопутныхъ войскъ и адмирала морскихъ силъ. Меншикомъ награжденъ чиномъ фельдмаршала.

Въ половинѣ іюля, войска выступили изъ Украйны. Меншиковъ отправился въ Польшу, а Шереметьевъ пошелъ въ Лифляндію—осаждать Ригу.

Карлъ XII расположился лагеремъ подъ Бендерами, подъ покровительствомъ турокъ, и возбуждалъ ихъ къ войнѣ съ Россіею. Тамъ-же умеръ и Мазепа.

На Полтавскомъ полѣ, въ часъ знаменитой битвы, окончательно рѣшились судьбы Россіи. Здѣсь впервые проявила и сознала она свою силу, окованную втеченіи многихъ вѣковъ невѣжествомъ. Народъ русскій увидѣлъ на дѣлѣ плоды преобразованій царя, убѣдился въ величіи его цѣлей и повѣрилъ въ свою славную будущность. Послѣ побѣдъ, на сушѣ и на морѣ, 30 августа 1721 года, подписанъ миръ. Шведы отдали Россіи Лифляндію, съ ост-

ровами Эзелемъ и Даго, Эстляндію, Ингерманландію, часть Финляндіи съ Выборгомъ и Карелію съ Кексгольмомъ.

3-го октября, на пути къ Выборгу, въ деревнѣ Дубкахъ, царь получилъ это извѣстіе—и на другой же день поплылъ въ Петербургъ. При звукѣ трубъ и съ пальбою вошелъ онъ въ Неву; народъ толпился на Троицкой площади. Царь вошелъ на берегъ и возвѣстилъ радостное событіе: „Миръ ребята!“ Величіе Россіи было утверждено навсегда.

22-го октября, во время молебствія въ Троицкомъ соборѣ, архіепископъ Ѳеофанъ, Канцлеръ Головкинъ, знатное духовенство и государственные чины—отъ имени всего народа просили царя принять титулъ Императора и наименованіе Великаго и Отца Отечества. Петръ принялъ; храмъ и весь городъ огласились крикомъ народа и войска: „Да здравствуетъ Петръ Великій, Императоръ, Отецъ Отечества!“

Петръ Великій отвѣтилъ тогда на этотъ крикъ народный: „Зѣло желаю, чтобы весь народъ нашъ прямо узналъ, что Господь прошедшею войною и этимъ миромъ для насъ сдѣлалъ! Надлежитъ Бога всею крѣпостію благодарить; однакожъ, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами такъ не сталось, какъ съ монархіею Греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очи кладетъ“.

2007059262